
Виолетта Весна
Развод.
Не приходи
на свадьбу,
мама

Виолетта Весна

Развод. Не приходи на свадьбу, мама

«Автор»
2026

Весна В.

Развод. Не приходи на свадьбу, мама / В. Весна — «Автор», 2026

— Мам, ты только не обижайся, но на свадьбу тебе лучше не приходить.Я стояла с пакетом свадебных босоножек, которые только что обменяла для дочери. И не могла поверить, что услышала.После двадцати двух лет брака муж изменил мне и ушел к другой. Я пережила развод и продолжала помогать единственной дочери готовиться к свадьбе.А теперь бывший муж обещает оплатить роскошный праздник только при условии, что меня там не будет. Сам он придет с любовницей.— Мам, папа не уступит. А ты ведь всегда меня понимала...Да. Я всегда понимала, прощала и помогала. Поэтому меня решили вычеркнуть из списка гостей, но по-прежнему ждали, что я займусь подготовкой свадьбы.Впервые я сказала «нет».И именно тогда в моей жизни появился мужчина, рядом с которым я снова почувствовала себя красивой, желанной и любимой.Вот только он — отец жениха моей дочери.И когда между нами возникнут настоящие чувства, он тоже попросит меня кое-что скрыть ради спокойствия детей.

© Весна В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мама, не приходи 5
Глава 2. Со мной проще 25
Глава 3. Цена красивой свадьбы 54
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Виолетта Весна
Развод. Не приходи на свадьбу, мама

Глава 1. Мама, не приходи

— Мам, ты только не обижайся, но на свадьбу тебе лучше не приходить.

Я остановилась посреди кухни с пакетом в руке.

В пакете лежали пудровые босоножки. Лера заказала их через интернет, ошиблась с размером, и мне пришлось после работы ехать в другой торговый центр, чтобы обменять. Я провела в пробке почти сорок минут, дважды позвонила дочери, уточняя, нужны ли ей все-таки эти босоножки, и теперь очень хотела снять туфли, выпить чаю и хотя бы полчаса ни с кем не разговаривать.

Но дочь приехала раньше меня. Сидела за кухонным столом, нервно крутила на пальце помолвочное кольцо и смотрела куда угодно, только не мне в глаза.

— Что ты сказала?

— Мам, пожалуйста, давай спокойно.

— Я спокойно. Повтори.

Лера наконец подняла голову.

— Папа считает, что вам лучше не встречаться на свадьбе. Чтобы не было неприятностей.

Я поставила пакет на стол.

— А при чем здесь мое присутствие?

— Ну ты же понимаешь...

— Нет, Лера. Не понимаю.

Дочь тяжело вздохнула.

Я знала этот вздох. Именно так она вздыхала в школе, когда я просила убрать вещи с пола. В восемнадцать, когда напоминала про экзамены. И совсем недавно, когда сказала, что дорогой ресторан им с Денисом совершенно не обязателен.

Теперь ей было двадцать два года. Через десять недель она собиралась замуж.

А я почему-то стояла перед собственной дочерью и пыталась понять, почему меня не хотят видеть на ее свадьбе.

— Папа сказал, что если ты придешь, он не будет оплачивать ресторан.

Я медленно опустилась на стул.

— Повтори еще раз.

— Мам!

— Лера, я прекрасно слышу. Мне нужно понять, что именно предложил твой отец.

Она отвернулась к окну.

— Он не хочет скандала. Вероника тоже будет. Ты сама понимаешь, что ситуация неприятная.

Вероника.

Женщина, ради которой мой муж разрушил двадцать два года брака.

Еще пять месяцев назад я не знала, что она существует. А сегодня выяснялось, что именно ей найдется место на свадьбе моей единственной дочери.

Мне — нет.

— Вероника придет? — спросила я.

Лера кивнула.

— Она с папой. Было бы странно, если бы он пришел один.

Я посмотрела на дочь.

— А если твоя мать придет, это будет странно?

— Я такого не говорила!

— Тогда что ты говоришь?

— Что папа категорически против. Он сказал, что не собирается оплачивать праздник, на котором вы будете выяснять отношения.

— А я собиралась их выяснять?

— Мам, ну не начинай.

— Я задала вопрос.

Лера раздраженно отодвинула чашку.

— Ты же сама сказала папе, что не будешь молчать!

Вот теперь я поняла.

Три дня назад Сергей позвонил мне вечером. Я как раз разбиралась с платежами за коммунальные услуги и пыталась выяснить, почему за пустующий почти месяц загородный дом мне опять прислали уведомление.

Дом после развода остался Сергею. Мне досталась городская квартира. Мы оформили соглашение, и имущественные вопросы были закрыты, но некоторые старые контакты и платежи все еще приходилось менять.

Сергей тогда начал разговор привычным тоном:

«Ир, тут такое дело. Я родственникам сказал, что мы разошлись спокойно. Просто давно друг другу не подходили. Не надо людям рассказывать подробности».

Я спросила, каким именно родственникам.

Оказалось, его сестре, двоюродному брату, нескольким знакомым семьи. Наверное, еще кому-нибудь.

«Ты же понимаешь, это никому не нужно, — продолжил он. — Не хватало еще, чтобы перед свадьбой все начали перемывать кости Веронике».

Я ответила, что специально обзванивать родственников не собираюсь. Но если кто-нибудь спросит, почему мы развелись, лгать не стану.

Сергей сразу рассердился.

«Вот зачем тебе это? Обязательно нужно устроить показательное выступление?»

Я устала тогда спорить и закончила разговор.

Теперь выяснялось, что мой отказ поддерживать удобную версию развода превратился в угрозу свадебного скандала.

— Лера, я сказала отцу, что не буду врать, если меня спросят о разводе. Это не значит, что я собираюсь обсуждать его любовницу на твоей свадьбе.

— Папа говорит другое.

— Конечно, другое.

— Мам, мне очень тяжело между вами.

Я посмотрела на ее руки.

Пальцы у дочери дрожали. Она была бледной, под глазами залегли тени. Наверное, готовилась к этому разговору весь день.

И мне вдруг захотелось ее обнять.

Сказать, что все хорошо. Что мы как-нибудь разберемся. Что я не позволю испортить ей праздник.

Это желание было таким привычным, что я даже немного подалась вперед.

Но потом вспомнила первые слова дочери.

На свадьбу тебе лучше не приходить.

— Лера, — сказала я, — ты ведь знаешь, почему мы развелись?

Она опустила глаза.

— Знаю.

— Знаешь, что отец почти год встречался с другой женщиной, пока жил со мной?

— Да.

— И знаешь, что я узнала об этом случайно?

— Мам, зачем ты сейчас...

— Ответь.

— Знаю!

Она повысила голос, потом испуганно посмотрела на меня.

Я никогда не любила, когда мы ссорились.

Когда Лера была маленькой, я могла полдня переживать из-за того, что накричала на нее за разбросанные вещи. Шла мириться первой, даже если сама была права. Мне казалось, что ребенку нельзя долго чувствовать себя нелюбимым.

Потом ребенок вырос.

А привычка осталась.

— Значит, ты понимаешь, почему я не хочу поддерживать рассказ отца о нашем мирном расставании?

— Понимаю. Но какое это имеет отношение к свадьбе?

— Ты сейчас серьезно спрашиваешь?

— Да! Потому что это мой день, мама! Мой и Дениса. Мы хотим нормальный праздник, а не разборки из-за ваших отношений!

Я молчала.

Лера провела ладонью по лицу.

— Извини. Я не хотела кричать.

— Хорошо.

— Просто ты не представляешь, сколько мы уже всего заказали. Там ресторан, ведущий, музыка, оформление. Папа настоял, чтобы гостей было больше. Мы сначала вообще хотели человек сорок, а теперь почти девяносто. И половину этих людей я даже не знаю!

— Я помню, как вы выбирали ресторан.

— Вот именно. Ты же все знаешь. А теперь папа говорит, что не будет платить. Откуда мы с Денисом возьмем такие деньги?

Я перевела взгляд на лежащий передо мной пакет.

Еще месяц назад мы с Лерой объездили четыре магазина в поисках свадебного платья. Потом нашли подходящий салон, где она примерила седьмое по счету платье и заплакала.

Не от расстройства.

Она стояла перед зеркалом, прижимая ладони к груди, и повторяла:

«Мам, я правда выхожу замуж!»

Я тогда тоже расплакалась.

Две взрослые женщины стояли в примерочной и плакали над белым платьем. Продавщица принесла нам воды, улыбалась и говорила, что это самая обычная история.

Потом Лера обняла меня.

«Хорошо, что ты у меня есть».

Я помнила, как пахли ее волосы. Чем-то сладким, с ноткой ванили.

А сейчас дочь сидела напротив и пыталась объяснить, почему на ее свадьбе мне не найдется места.

— Ты можешь отказаться от дорогого ресторана, — сказала я.

Лера даже выпрямилась.

— Ты представляешь, сколько денег уже внесено?

— Нет. Сколько?

— Много.

— Лера, я бухгалтер. Слово «много» мне ничего не говорит.

Она сердито посмотрела на меня.

— Ты всегда так.

— Как?

— Начинаешь считать, когда мне нужно просто, чтобы ты меня поддержала.

Я невольно усмехнулась.

— Интересно получается. Когда я считала, сколько вы сможете потратить на платье, туфли и поездку после свадьбы, тебе это нравилось.

— Мам!

— А теперь считать неудобно?

— Я не об этом.

— Тогда о чем?

Дочь замолчала.

Мне стало стыдно за резкий тон. Я видела, что она действительно напугана. Лера никогда не умела спокойно переживать, когда планы рушились.

В детстве она могла расплакаться из-за отмененной поездки в зоопарк. В четырнадцать переживала целую неделю, когда не попала на школьный концерт из-за температуры. А перед выпускным три дня мучила меня вопросом, правильно ли выбрала прическу.

Я утешала ее, помогала искать решения, покупала билеты на другой день, сидела рядом с градусником, держала заколки, пока парикмахер переделывала укладку.

И каждый раз старалась сделать так, чтобы дочь снова улыбнулась.

Но теперь цена ее улыбки оказалась слишком высокой.

— Лерочка, — сказала я мягче, — я хочу, чтобы у тебя была хорошая свадьба. Правда хочу. Но почему ради нее я должна остаться дома?

— Потому что папа не уступит.

— А я уступлю?

Она не ответила.

И этого молчания оказалось достаточно.

Я поднялась, налила воды из фильтра и выпила несколько глотков. Во рту пересохло.

За окном моросил дождь. Машины медленно ползли вдоль двора. На соседнем балконе кто-то снимал с сушилки белье, торопясь успеть до сильного ливня.

Обычный майский вечер.

Когда я ехала домой, больше всего меня занимало, успею ли купить молоко до закрытия магазина. И еще думала, что в субботу стоит наконец разобрать шкаф в спальне.

Теперь все это казалось чем-то из другой жизни.

— Денис знает? — спросила я, не оборачиваясь.

— Что?

— Что ты просишь меня не приходить на вашу свадьбу.

За моей спиной что-то тихо стукнуло.

Наверное, Лера поставила чашку.

— Пока нет.

Я повернулась.

— Почему?

— Я хотела сначала поговорить с тобой.

— А потом?

— Потом бы мы все решили.

— Что именно решили?

— Мам, пожалуйста, не надо меня допрашивать!

— Я пытаюсь понять, как вы собирались это устроить. Ты поговорила со мной, я согласилась. А Денису вы что сказали бы?

— Что ты не сможешь прийти.

— По какой причине?

Лера нервно поправила волосы.

— Не знаю. Может, по работе.

— По работе?

— Ну а что такого? Люди иногда не могут приехать на свадьбу.

— Я живу в двадцати минутах от ресторана, Лера.

— Мало ли какие бывают обстоятельства!

Я села обратно.

— А отец Дениса тоже не сможет приехать, если кому-нибудь будет неудобно его видеть?

— При чем здесь Андрей Викторович?

— Ни при чем. Поэтому и спрашиваю.

— Ну, это совершенно другое!

— Почему?

— Потому что у них нормальные отношения!

Я не сразу нашлась с ответом.

— С кем?

— С Денисом. И с его мамой тоже. Они спокойно общаются после развода.

— А мы с тобой развелись?

— Мам, ты специально все переворачиваешь!

— Нет, доченька. Я просто не понимаю, за что меня исключают из твоего праздника.

Лера схватилась за телефон. Посмотрела на экран, сбросила вызов.

Я успела увидеть имя.

Папа.

Конечно.

Он ждал ответа.

Я вдруг совершенно ясно представила Сергея. Наверное, сидел сейчас в своем загородном доме, пил кофе и раздражался, что вопрос до сих пор не решен.

Он всегда плохо переносил ожидание.

Когда Лера училась в школе, Сергей мог подарить ей новый телефон за хорошие оценки. Но если нужно было несколько часов просто посидеть с ребенком дома, пока у меня аврал на работе, начинались переговоры.

«Ир, у меня встреча».

«Ир, я же деньги зарабатываю».

«Ты не можешь сама поменяться?»

Я менялась.

Отпрашивалась. Переносила дела. Просила коллег подменить меня, а потом возвращала им эти часы, задерживаясь до вечера.

Однажды меня не отпустили с работы на утренник Леры. Я тогда только устроилась на новое место, и начальница прямо сказала, что во время расчета зарплаты никого отпускать не собирается.

Я попросила Сергея сходить вместо меня.

Он согласился, но потом три дня напоминал, какую важную встречу перенес.

Зато фотографии с того утренника сохранил.

На одной Лера сидела у него на коленях в костюме снежинки, а он улыбался так счастливо, что я долго держала этот снимок на заставке телефона.

Были и такие дни.

Не все двадцать два года состояли из обид.

Сергей умел быть нежным. Умел смешить меня так, что я сгибалась пополам. Когда умер мой отец, он взял на себя похороны и почти неделю не отходил от меня. Не потому, что я просила. Сам понял, что мне нужно.

И все-таки в последние годы что-то изменилось.

Я не заметила, когда именно.

Сначала перестали разговаривать за ужином. Потом Сергей начал раздражаться, если я задавала вопросы. Позже появились командировки, которых раньше не было, задержки на работе и привычка класть телефон экраном вниз.

Я спрашивала, что происходит.

Он говорил, что устал.

Я верила.

Потом выяснилось, что почти год у него была другая женщина.

И теперь именно он решал, кому можно присутствовать на свадьбе нашей дочери.

— Лера, — сказала я, — а если бы папа попросил Дениса не приглашать его мать? Ты бы согласилась?

— У Дениса другая ситуация.

— Какая?

— Андрей Викторович давно разведен. И у него нет никаких конфликтов с Натальей.

— То есть проблема во мне?

— Я не это сказала.

— Тогда давай представим, что твой отец не изменял мне. Мы просто давно разошлись, как он всем рассказывает. Ты все равно попросила бы меня не приходить, если бы он пригрозил деньгами?

Дочь некоторое время молчала.

— Не знаю.

Я кивнула.

Это хотя бы было похоже на правду.

Лера не была жестокой девочкой.

Я помнила, как в семь лет она принесла домой бездомного котенка, спрятав под курткой. Как потом три ночи вставала проверять, дышит ли он. Как плакала над фильмами и всегда старалась поздравить друзей с днем рождения ровно в полночь.

Она умела любить.

Но любить человека и поступать с ним хорошо оказалось не всегда одним и тем же.

— Мам, — сказала она после долгой паузы, — я же не говорю, что мы больше никогда не увидимся. Мы можем после свадьбы отдельно отметить. С тобой. Устроим хороший ужин, позовем кого захочешь.

— После свадьбы?

— Да. Я даже платье надену, если хочешь.

У меня перехватило дыхание.

Она предлагала мне отдельный праздник.

Как человеку, которого по каким-то причинам нельзя пригласить на настоящий.

— А ты будешь счастлива на своей свадьбе? — тихо спросила я.

— Конечно, если все нормально пройдет.

— И тебе будет нормально, если там не окажется твоей матери?

Лера сжала губы.

— Мне будет очень обидно. Но я хочу, чтобы этот день прошел спокойно.

— А мне?

— Что тебе?

— Мне как будет?

Дочь заплакала.

Не громко. Просто слезы побежали по щекам, и она поспешно вытерла их ладонью.

— Мам, ты же знаешь, как я тебя люблю. Почему ты заставляешь меня выбирать?

Я почувствовала знакомую панику.

Ребенок плакал.

Мой ребенок.

Пусть ей было двадцать два, пусть она собиралась замуж и работала в отделе кадров, для какой-то части меня она навсегда осталась маленькой девочкой с разбитой коленкой.

Я хотела подвинуться ближе, обнять ее и пообещать, что все исправлю.

Вместо этого я спросила:

— Лера, а кто поставил тебя перед выбором?

Она всхлипнула.

— Папа.

— Тогда почему ты просишь отказаться от свадьбы меня?

— Потому что с ним невозможно договориться!

— А со мной можно.

Она не ответила.

Я вытащила из коробки босоножки и поставила их перед дочерью.

Красивые. Нежного оттенка, с тонкими ремешками и небольшим каблуком. Мы выбирали их почти неделю. Лера хотела, чтобы были удобными, но изящными. Я нашла подходящую модель, Лера заказала ее, а я оплатила.

Семь тысяч триста рублей.

Для меня не катастрофические деньги. Но и не такая сумма, которую я могла тратить каждый день, не задумываясь.

— Померь, пожалуйста, — сказала я.

Лера удивленно посмотрела на меня.

— Сейчас?

— Ты просила обменять размер. Я обменяла. Лучше проверить, пока еще можно вернуть.

— Мам, мы сейчас вообще не об этом!

— Я знаю. Но ты завтра опять будешь занята, а потом выяснится, что ремешок трет или каблук неудобный.

Дочь посмотрела на босоножки и неожиданно разрыдалась сильнее.

— Вот видишь! — выговорила она. — Ты всегда все делаешь для меня. Я же знаю! Мне поэтому так тяжело!

Я чуть не рассмеялась.

Не потому, что было смешно.

Просто не представляла, что ответить.

Сколько себя помнила, я старалась быть хорошей матерью.

Вовремя покупать нужное. Помнить, когда у дочери экзамены. Разговаривать с учителями. Проверять, есть ли дома ее любимый йогурт. Не забывать про день рождения подружки, к которой нужно было купить подарок.

Я работала, потому что семье нужны были деньги. Готовила, потому что все хотели есть. Следила за домом, потому что кому-то нужно было этим заниматься.

И любила.

Конечно, любила.

Наверное, в чем-то перегибала. Иногда слишком волновалась, слишком много спрашивала, слишком часто пыталась помочь, когда дочь уже могла справиться сама.

Но мне и в голову не приходило, что однажды все эти годы заботы станут доводом в пользу того, что мной легче пожертвовать.

— Лера, — сказала я, — ты можешь забрать босоножки. Они твои.

Она подняла мокрые глаза.

— Мам...

— Но на твое предложение я не согласна.

— Ты хочешь, чтобы папа все отменил?

— Нет. Я хочу, чтобы ты перестала объяснять мне, почему я должна отсутствовать на свадьбе собственной дочери.

— Тогда что мне делать?

— Поговорить с Денисом. Посмотреть, какие расходы можно сократить. Решить, что для вас важнее.

— Папа уже внес предоплату!

— Не знаю условий договора. Может, часть денег удастся вернуть. Может, придется что-то потерять.

— Ты говоришь так легко!

— Мне тоже нелегко.

Лера вытерла нос салфеткой.

— Денис расстроится.

— Думаю, да.

— Он очень ждал эту свадьбу.

— И ты тоже.

— Конечно!

— Тогда решайте вместе.

Она долго смотрела на меня.

— Ты хоть понимаешь, что будет, если я откажусь от папиных денег?

— Будет свадьба, которую вы сможете оплатить.

— Совсем не такая!

— Возможно.

— Ты можешь хоть раз меня поддержать?

Я почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Я тебя поддерживала, когда ты поступала в институт. Когда меняла специальность. Когда решила съехаться с Денисом, хотя вы встречались всего несколько месяцев. Я помогала тебе искать квартиру, собирать вещи, покупать посуду. Я поддерживаю твое решение выйти замуж. Но я не могу поддержать просьбу не приходить на твою свадьбу.

Лера с силой отодвинула стул.

— Значит, ты думаешь только о себе!

Это было обиднее всего.

Я даже открыла рот, чтобы возразить, но вовремя остановилась.

Если бы сейчас начала перечислять, сколько всего сделала для дочери, получилось бы ровно то, чем Сергей годами оправдывал собственное поведение.

«Я для вас столько сделал».

Я ненавидела эту фразу.

Не хотела произносить ее сама.

— Я думаю и о тебе, — ответила я. — Только у нас с тобой разные представления о том, что сейчас будет для тебя правильно.

Лера поднялась, взяла сумочку, потом снова опустилась на стул.

— Мам, а если я скажу папе, что ты обещаешь не разговаривать с Вероникой? Вообще. Даже не смотреть в ее сторону.

— Я и не собиралась с ней разговаривать.

— Ну вот! Значит, можно попробовать.

— Попробуй.

— Ты сама ему позвонишь?

Я посмотрела на дочь.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я ничего ему не должна доказывать.

— Господи, ну почему вы оба такие упрямые?

Я устало потерла переносицу.

— Мне завтра на работу к девяти. Давай закончим этот разговор.

— Ты меня выгоняешь?

— Нет. Но сейчас мы только ссоримся.

Лера опять посмотрела на телефон. На этот раз сообщение пришло от Дениса.

Я знала его номер наизусть.

Хороший парень. Спокойный, немного застенчивый. Работал инженером, собирал деньги на машину, по выходным помогал моему соседу с компьютером, хотя тот уже трижды умудрялся сломать одну и ту же программу.

Мне Денис нравился.

Особенно за то, как смотрел на Леру, когда она рассказывала что-нибудь увлеченно. Он не всегда понимал, о чем речь, но слушал внимательно.

Неделю назад мы все вместе ужинали, знакомили родителей поближе перед свадьбой. Денис тогда так нервничал, что перепутал два бокала, а Лера тихо засмеялась и поправила его.

Я смотрела на них и думала, что они будут счастливы.

Очень хотелось верить.

— Денис ничего не знает, — напомнила я.

Лера подняла голову.

— Я помню.

— Расскажи ему сама.

— Расскажу.

— Не нужно говорить, что я отказалась приходить. Это неправда.

Она снова отвела глаза.

Я напряглась.

— Лера?

— Я тете Нине сказала, что ты, возможно, не сможешь из-за работы.

Я почувствовала, как по спине прошел холодок.

Тетя Нина приходилась Сергею родной сестрой. Мы с ней двадцать лет вместе отмечали праздники, помогали друг другу с детьми, ездили на дачу.

После развода она мне почти не звонила.

Я не обижалась. По крайней мере, старалась.

Но теперь выяснялось, что и для нее уже придумали удобное объяснение моего отсутствия.

— Когда ты сказала? — спросила я.

— Вчера. Она интересовалась рассадкой. Я не знала, что ответить.

— Почему не сказала правду?

— Потому что тогда начались бы вопросы!

— А сейчас вопросов не будет?

— Мам, я же говорю, что еще ничего не решено!

Я откинулась на спинку стула.

Как же много всего они успели решить без меня.

Кому что сказать.

Кого посадить рядом с отцом.

Как объяснить родственникам, почему у невесты нет матери.

И только меня забыли спросить, согласна ли я участвовать в этом спектакле.

Точнее, спросили в последнюю очередь, когда удобный сценарий уже был придуман.

— Исправь это, пожалуйста, — сказала я.

— Что именно?

— Скажи тете Нине, что я не отказывалась от свадьбы из-за работы.

— А что я должна сказать?

— Правду. Или хотя бы не придумывать новую ложь.

Лера сжала телефон.

— Я поговорю с Денисом.

— Хорошо.

Она поднялась.

Я тоже встала, проводила ее в прихожую.

Дочь долго надевала ботинки. Шнурок на одном развязался, она присела и никак не могла его завязать.

Раньше я непременно сказала бы, что он опять слишком короткий и нужно купить другие шнурки. А потом сама поискала бы подходящие.

Сейчас молчала.

Лера наконец справилась, выпрямилась и посмотрела на меня.

— Мам, я не хотела тебя обидеть.

Я почувствовала, что еще немного — и заплачу.

— Но обидела.

Она всхлипнула.

— Я знаю.

Несколько секунд мы стояли друг напротив друга.

Потом я обняла дочь.

Не могла иначе.

Она сразу прижалась ко мне, как в детстве, спрятала лицо у меня на плече. От нее пахло знакомыми духами и холодным воздухом улицы.

— Я тебя люблю, — прошептала она.

— И я тебя, солнышко.

— Ты же не будешь на меня злиться?

Я закрыла глаза.

Вопрос был таким привычным, что ответ едва не сорвался с языка.

«Конечно, нет».

Но это было бы неправдой.

Я злилась.

И обижалась.

И не знала, сколько времени мне понадобится, чтобы спокойно вспоминать этот вечер.

— Я сейчас расстроена, Лера. Давай поговорим позже.

Она отстранилась.

— Хорошо.

Потом взяла пакет с босоножками.

— Спасибо, что обменяла.

— Примерь сегодня. Если что-то не так, завтра еще сможем вернуть.

— Хорошо, мам.

И ушла.

Дверь закрылась тихо.

Я еще некоторое время стояла в прихожей и смотрела на замок.

Потом машинально проверила, закрыта ли дверь.

Проверила еще раз.

Сняла туфли, повесила куртку и вернулась на кухню.

На столе остались две чашки.

В своей я с утра допила кофе. В Лериной остывал почти нетронутый чай.

Я поднесла чашку к раковине.

На дне плавал размокший кусочек лимона.

Нужно было вымыть посуду.

Потом приготовить что-нибудь на завтра. У меня оставалась курица в холодильнике, которую следовало использовать сегодня. Еще нужно было погладить блузку и проверить, отправила ли я коллеге нужный файл.

Обычные дела.

Я поставила обе чашки в раковину.

И внезапно расплакалась.

Не красиво, не тихо, как в кино.

Меня трясло. Я пыталась вдохнуть, но воздух словно застревал в груди. Пришлось опуститься на стул и закрыть лицо ладонями.

Я плакала после измены Сергея.

Когда увидела переписку, которую он забыл закрыть на семейном планшете.

Когда он вернулся домой и вместо объяснений спросил, зачем я лазила по его вещам.

Когда собирал чемодан.

Когда мы подписывали соглашение о разделе имущества.

Когда он впервые выложил в социальные сети фотографию с Вероникой, подписав ее словами о новом этапе жизни.

Я тогда думала, что больнее уже не будет.

Ошиблась.

Потому что Сергей был мужчиной, который перестал меня любить.

А Лера была моей дочерью.

Я не представляла своей жизни без нее.

Наверное, именно поэтому ее слова ранили сильнее.

Я просидела на кухне довольно долго.

За окном окончательно стемнело. Дождь усилился, и капли застучали по подоконнику.

Телефон несколько раз загорался.

Я не брала его.

Боялась увидеть сообщение от Леры.

Боялась, что она опять попросит согласиться.

И еще сильнее боялась, что сама соглашусь.

В какой-то момент даже начала составлять в голове объяснение.

Конечно, свадьба принадлежит молодым. Конечно, не нужно превращать ее в арену семейных разборок. Разве так сложно один раз уступить? Потом можно будет посмотреть фотографии. Поехать с дочерью и зятем в ресторан. Подарить им деньги, которые я откладывала.

А ведь я действительно могла все это сделать.

Могла остаться дома.

Надеть халат, разогреть ужин, включить телевизор.

Представлять, как Лера выходит к гостям в белом платье.

Как Денис берет ее за руку.

Как Сергей поднимает бокал за счастье молодых.

И как Вероника стоит рядом с ним.

Может быть, ее даже посадят на место, где должна была сидеть я.

Я резко вытерла лицо.

Нет.

Не могла.

От одного представления становилось физически больно.

Я поднялась, открыла холодильник и достала контейнер с вчерашним ужином. Потом поняла, что есть не хочу, поставила его обратно.

На верхней полке лежал торт.

Небольшой, с клубникой.

Лера вчера попросила купить его к нашему сегодняшнему разговору о свадьбе. Сказала, что у нее будет важная новость. Я решила, что они наконец определились с датой подачи заявления в загс или заказали кольца.

По дороге домой купила торт.

И совершенно забыла поставить на стол.

Я достала коробку.

Посмотрела на аккуратные ягоды под прозрачной крышкой и вдруг вспомнила, как в детстве Лера всегда просила оставить ей клубнику с моего кусочка.

Я оставляла.

Конечно, оставляла.

Села за стол, открыла коробку и отрезала себе кусок с самой большой ягодой.

Съела ее первой.

Клубника оказалась кисловатой.

Наверное, я выбрала неудачный торт.

Телефон снова завибрировал.

На экране высветилось имя Сергея.

Я смотрела на него несколько секунд.

Пять месяцев назад от этого имени у меня еще замирало сердце.

Я ждала, что однажды он позвонит и скажет, что ошибся. Что скучает. Что хочет домой.

Потом начала бояться его звонков.

После каждого разговора чувствовала себя виноватой.

То за то, что не захотела встретиться с Вероникой, когда он предложил «нормально пообщаться».

То за отказ передать ему документы немедленно, хотя сама находилась на работе.

То за то, что попросила наконец забрать оставшиеся вещи.

Теперь он звонил, потому что ждал ответа от Леры.

Наверное, дочь уже успела рассказать, что я не согласилась.

Я сбросила вызов.

Телефон тут же зазвонил снова.

На этот раз я ответила.

— Да, Сергей.

— Ира, что там у вас произошло?

У него был раздраженный голос человека, которого отвлекли от важного дела.

— Лера со мной поговорила.

— Ну и?

— Что?

— Какой у тебя ответ?

Я посмотрела на торт.

— На какое предложение?

Он недовольно выдохнул.

— Ир, давай не будем делать вид, что ты ничего не поняла. Я же просил решить все нормально.

— Ты просил меня не приходить на свадьбу собственной дочери?

— Не передергивай. Я предложил вариант, при котором все останутся довольны.

— Все?

— Лера, Денис, гости. Никому не нужны ваши с Вероникой выяснения отношений.

— У меня нет отношений с Вероникой.

— Вот именно. Поэтому зачем вам встречаться?

— Потому что на свадьбу выходит моя дочь.

— И моя тоже, между прочим!

— Я помню.

— Тогда почему ты ведешь себя так, будто этот праздник существует только ради тебя?

Я закрыла глаза.

За двадцать два года брака Сергей научился задавать вопросы так, что любой ответ звучал оправданием.

Если я говорила, что устала, он спрашивал, разве ему легче.

Если обижалась, интересовался, неужели теперь нельзя ничего сказать.

Если просила помощи, напоминал, сколько работает.

Я хорошо знала этот разговор.

И его продолжение тоже знала.

Сейчас я должна была объяснять, почему не хочу пропускать свадьбу. Сергей бы возражал, я старалась бы доказать, что не собираюсь мешать. В конце оба устали бы, а виноватой все равно осталась бы я.

— Сергей, — сказала я, — ты поставил Лере условие. Обсуждай его с ней.

— Ира, не умничай.

— Я не умничаю.

— Ты понимаешь, сколько этот банкет стоит?

— Примерно.

— Тогда должна понимать, что я имею право решать, как он пройдет.

— Ты имеешь право не оплачивать банкет. Но решать, нужна ли Лере на свадьбе мать, должен не ты.

Он помолчал.

— Опять начинаешь.

— Нет.

— Ты просто не можешь принять, что у меня теперь другая жизнь.

Я чуть не рассмеялась.

— Сергей, мы развелись два месяца назад. Я подписала все документы. Ты живешь с другой женщиной. Что еще я должна сделать, чтобы доказать, что приняла твое решение?

— Хотя бы перестать цепляться за прошлое.

— Я хочу пойти на свадьбу дочери. Каким образом это связано с нашим прошлым?

— Не начинай играть словами.

Я потерла лоб.

— Мне больше нечего тебе сказать.

— То есть ты готова испортить Лере праздник из принципа?

— Нет. Я хочу, чтобы она сама решила, какой праздник ей нужен.

— Очень удобно. Ты всю ответственность на нее переложила!

Я посмотрела на часы.

Половина девятого.

Завтра мне нужно было вставать в половине седьмого. Днем предстояло разбираться с отпускными двух сотрудников и готовить данные для расчета зарплаты. На работе никто не собирался делать скидку на мои семейные переживания.

— Спокойной ночи, Сергей.

— Ира, подожди...

Я закончила вызов.

Положила телефон на стол.

И только тогда заметила, что руки дрожат.

Мне было сорок три года.

Я работала бухгалтером уже больше двадцати лет. Умела составлять отчеты, спорить с поставщиками о неверных документах, находить ошибки в начислениях, объяснять сотрудникам, почему сумма на расчетном листке отличается от ожидаемой.

Я не считала себя слабым человеком.

Но стоило поговорить с бывшим мужем, как вновь чувствовала себя женщиной, которой нужно доказать, что она имеет право на собственное мнение.

Злость пришла неожиданно.

Я встала, подошла к раковине и принялась мыть посуду.

Слишком энергично.

Одна чашка выскользнула из рук, ударилась о край мойки и треснула.

Я выругалась.

Чашка была старая, с изображением смешного толстого кота. Лера подарила мне ее на День матери лет пять назад.

«Мамочка, ты лучшая».

Надпись почти стерлась.

Я осторожно отложила чашку, проверила, не порезалась ли, и снова села за стол.

Хотелось позвонить кому-нибудь.

Татьяне, например.

Мы вместе работали больше семи лет. Она знала почти все о моем разводе, видела меня с распухшими глазами, однажды даже приехала вечером с продуктами, когда я два дня питалась одними бутербродами.

Но сейчас было поздно.

У нее муж, сын-подросток и бесконечные школьные дела. В прошлый раз она жаловалась, что мальчик получил двойку и теперь дома все выясняют, кто виноват.

Я не стала звонить.

Вместо этого открыла переписку с дочерью.

Последние сообщения выглядели вполне обычными.

«Мам, ты сможешь заехать в салон?»

«Не забудь про босоножки».

«А фотографу лучше позвонить сегодня или завтра?»

«Люблю тебя».

Я прокрутила переписку выше.

Там были десятки просьб.

Отвезти.

Забрать.

Посмотреть.

Узнать.

Спросить.

Напомнить.

Найти.

И мои ответы.

«Хорошо».

«Сделаю».

«Конечно».

«Не переживай».

Я долго смотрела на экран.

Наверное, со стороны могло показаться, что дочь мной пользовалась.

Но все было не так просто.

Я сама предлагала помощь.

Когда Лера говорила, что устала после работы, я предлагала съездить вместо нее. Когда не могла выбрать, советовала. Если что-то не получалось, брала дело на себя.

Мне нравилось быть нужной.

После ухода Сергея это чувство стало особенно важным.

В доме сделалось тихо.

Сначала я даже не знала, куда девать вечера.

Раньше нужно было готовить ужин на двоих, обсуждать, что купить, спрашивать, когда муж вернется. Теперь можно было сварить себе гречку, съесть ее прямо из кастрюли и никому ничего не объяснять.

Звучало прекрасно.

Только первые недели я все равно машинально ставила на стол две тарелки.

Потом привыкла.

А когда Лера объявила о свадьбе, моя жизнь снова наполнилась делами.

Ресторан, платье, гости, приглашения, список подарков, переговоры с подрядчиками.

Дочь звонила почти каждый день.

И я радовалась.

Мне казалось, что она хочет разделить со мной важные события.

Наверное, это действительно было так.

Просто я слишком незаметно стала человеком, который всегда решает неудобные вопросы.

И в какой-то момент дочери показалось естественным попросить меня решить самый неудобный.

Убрать себя из ее праздника.

Я открыла список свадебных дел.

Он хранился в заметках телефона. Мы составляли его вместе.

Рядом с каждым пунктом стояло имя ответственного.

Позвонить тете Нине — мама.

Уточнить количество гостей со стороны отца — мама.

Найти дополнительные номера для родственников из другого города — мама.

Проверить рассадку — мама.

Обсудить с рестораном детское меню — мама.

Позвонить ведущему по поводу поздравлений — мама.

Я пролистала список до конца.

Лера отвечала за платье, прическу, макияж и выбор букета.

Денис — за кольца, транспорт и музыку.

Сергей — за оплату ресторана.

Почти все остальное было моим.

Я вдруг вспомнила, что две недели назад взяла день отпуска, чтобы съездить вместо Леры на встречу с организатором.

Дочь не смогла отпроситься с работы.

Денис был занят.

Сергей сказал, что не занимается такими мелочами.

Я съездила.

Потратила почти четыре часа. Потом вечером доделывала рабочие дела из дома, потому что начальница согласилась отпустить меня при условии, что расчеты будут готовы к утру.

И никому даже не пришло в голову, что мне могло быть неудобно.

Я сама сказала: «Ладно, поеду».

Как говорила много лет.

Захотелось удалить этот список целиком.

Но я удержалась.

Дела не исчезнут от того, что я сотру их из телефона.

А вот решать, кому ими заниматься, должны молодые.

Я закрыла заметку.

Пошла в ванную, умылась холодной водой и посмотрела на себя в зеркало.

Лицо было усталым.

Под глазами покраснело. Волосы выбились из хвоста. На щеке остался след от подушки? Нет, от ладони, которой я слишком долго подпирала лицо.

Волосы у меня были темно-русые, чуть ниже плеч. Последние несколько лет я красила их примерно в тот же цвет, что и раньше, только чтобы скрыть седину.

Сергей однажды сказал, что мне стоит подстричься короче. Длинные волосы, по его мнению, уже не соответствовали возрасту.

Мне тогда был сорок один год.

Я не подстриглась.

Но и возразить толком не смогла. Просто сказала, что подумаю.

Сейчас почему-то вспомнила именно этот разговор.

Глупость.

Что за разница, какие у меня волосы?

Я подняла их руками, посмотрела на себя с открытой шеей.

Потом распустила.

Нет.

Так мне нравилось больше.

В комнате на комоде стояла фотография Леры.

С выпускного.

Дочь в темно-синем платье обнимала меня за плечи, а я смеялась, потому что в тот момент она наступила мне на ногу каблуком.

Сергей снимал нас на телефон.

Тогда мы еще были семьей.

Я взяла рамку.

На снимке я выглядела счастливой.

После известия о Веронике больно было вспоминать даже счастливые дни.

Я пересматривала старые фотографии и пыталась определить, в какой именно день муж перестал быть честным со мной.

Вот здесь мы на море.

Здесь отмечаем день рождения Леры.

Здесь вместе выбираем новую мебель.

Улыбался ли он искренне?

Думал ли о другой женщине, когда обнимал меня?

Сколько раз я разговаривала с ним о работе, о дочери, о покупках, а он уже знал, что вечером будет писать Веронике?

Ответов не было.

И постепенно я перестала искать их на фотографиях.

Но сегодня снова захотелось вернуться туда, где все еще было по-другому.

На снимке Лера крепко обнимала меня.

Я провела пальцем по стеклу.

— Ну что же ты, девочка моя, — прошептала я.

Телефон зазвонил.

Я вздрогнула, поставила фотографию обратно и поспешила в кухню.

На экране высветилось имя, которое я не сразу узнала.

Андрей Мельников.

Отец Дениса.

Мы обменялись телефонами неделю назад на семейном ужине. Тогда речь шла об организационных вопросах, и Денис предложил родителям держать связь напрямую.

Андрей произвел на меня приятное впечатление.

Высокий, крепкий мужчина с небольшой сединой у висков. Спокойный, без привычки перебивать собеседника. На ужин пришел в темной рубашке, без галстука, и выглядел так, будто его совершенно не заботит, какое впечатление он производит.

Пока Сергей рассуждал, сколько стоит приличный банкет, Андрей интересовался у сына, удобно ли выбранное время церемонии для гостей из другого города.

Я тогда заметила эту разницу.

Не потому, что один был плохим, а другой хорошим.

Просто Андрей разговаривал с Денисом так, будто решение сына действительно имело значение.

За столом мы несколько раз обменялись репликами.

Когда Лера в очередной раз принялась обсуждать, какого цвета должны быть салфетки, Андрей наклонился ко мне и негромко спросил:

«А кто-нибудь уже выяснил, что мы будем есть?»

Я неожиданно рассмеялась.

«Вы имеете в виду, кроме салфеток?»

«Желательно».

Позже он предложил как-нибудь встретиться за кофе без разговоров о свадьбе.

Я тогда подумала, что он вежливый человек.

И не придала особого значения.

Теперь его имя светилось на экране телефона.

Я подождала несколько секунд и ответила.

— Добрый вечер.

— Ирина? Это Андрей Мельников. Не слишком поздно?

Голос оказался таким же спокойным, как при нашей первой встрече.

— Нет, все нормально.

— Хорошо. Тогда не буду долго отвлекать. Мы на прошлой неделе говорили о кофе. Я хотел уточнить, не передумали ли вы.

Я растерялась.

После сегодняшнего разговора с Лерой предложение встретиться с мужчиной казалось чем-то совершенно неуместным.

— Простите, я немного не в форме.

— Ничего страшного. Я могу позвонить в другой день.

Он произнес это так просто, что мне стало неловко.

— Нет, дело не в вас. Просто сложный вечер.

Андрей ненадолго замолчал.

— Понимаю.

Я едва не сказала, что он ничего не понимает.

Но вовремя прикусила язык.

Человек позвонил пригласить меня на кофе. Он не обязан был разбираться в моем семейном кошмаре.

— Я помню наш разговор, — ответила я. — Просто сейчас не могу сказать точно.

— Тогда давайте я напишу вам в четверг. Если будет желание и время, встретимся в пятницу после работы.

— Хорошо.

— Ирина?

— Да?

— Надеюсь, завтра у вас будет день получше.

Я не ожидала ничего подобного.

Ни расспросов, ни настойчивых предложений помочь, ни обычного «не переживайте, все образуется».

Просто пожелание.

— Спасибо, Андрей Викторович.

— Можно без отчества.

— Тогда и вы можете.

Я услышала, как он тихо усмехнулся.

— Договорились. Спокойной ночи, Ирина.

— Спокойной ночи.

Я положила телефон и еще несколько секунд смотрела на экран.

Удивительно.

Мне было сорок три года, и я вдруг смутилась от обычного телефонного разговора.

Не от комплимента.

Даже не от приглашения.

А от того, что мужчина предложил встретиться и спокойно оставил решение за мной.

Я прошла в спальню, достала из шкафа домашнюю футболку и переоделась.

Потом вдруг вернулась к зеркалу.

Посмотрела на лицо, волосы, фигуру.

Сергей последние годы почти не замечал, во что я одевалась.

Иногда, правда, говорил, что мне не мешало бы сбросить несколько килограммов. Или что женщины моего возраста должны выбирать вещи поспокойнее.

Я давно перестала спрашивать его мнение.

Но, кажется, все еще продолжала смотреть на себя его глазами.

Мне захотелось купить новое платье.

Совершенно не нужное для работы.

Не праздничное для дочериной свадьбы.

Просто красивое.

Такое, в котором я могла бы пойти в кафе, пройтись по набережной, сесть за столик у окна и выпить чашку кофе.

Я даже открыла приложение магазина.

Полистала несколько моделей.

Выбрала темно-зеленое платье с открытой шеей.

Добавила в корзину.

И тут же начала мысленно подсчитывать, сколько потрачу за месяц.

Коммунальные услуги.

Продукты.

Небольшой подарок на свадьбу.

Запланированный визит к стоматологу.

Нет, решила я. Пока рано.

Закрыла приложение.

Потом снова открыла.

Посмотрела на платье еще раз.

И оставила его в корзине.

Покупать сегодня не стала.

Но и удалять не захотела.

***

Утром я проснулась за пять минут до будильника.

Так бывало всегда, когда нервничала.

Несколько секунд лежала с закрытыми глазами, пытаясь вспомнить, почему так тяжело на душе.

Потом вспомнила.

Лера.

Свадьба.

Разговор с Сергеем.

Мне захотелось накрыться одеялом и не вставать.

Но работа не ждала.

Я поднялась, поставила чайник, включила кофемашину и достала из холодильника йогурт.

Обычно по утрам я завтракала быстро.

Сергей любил полноценный завтрак. Яйца, бутерброды, иногда кашу. Вставала раньше него, готовила, раскладывала по тарелкам.

После развода первые несколько недель все равно покупала продукты на двоих.

Только потом научилась брать столько, сколько действительно съедала сама.

Пока кофемашина гудела, я проверила телефон.

От Леры было одно сообщение.

Отправлено вчера в двадцать три сорок семь.

«Мам, прости, что накричала. Люблю тебя».

Я прочитала его дважды.

Потом ответила:

«Я тоже тебя люблю».

Посмотрела на отправленные слова и почувствовала, что немного успокоилась.

Любовь никуда не исчезла.

Даже после такого вечера.

Но обида тоже осталась.

Я допила кофе, оделась и уже собиралась выходить, когда телефон снова завибрировал.

Лера.

«Мам, слушай, я вчера забыла спросить. Ты договорилась с флористом насчет субботы? Она мне утром написала, что нужно срочно подтвердить время. И тете Нине надо уточнить, сколько их приедет, а то мы не можем окончательно сделать рассадку».

Я остановилась возле двери.

Прочитала сообщение еще раз.

Вчера дочь просила меня не приходить на свадьбу.

А сегодня с утра напоминала, что я должна позвонить флористу и заняться рассадкой гостей.

Словно ничего не произошло.

Словно мы просто немного поссорились из-за выбора скатертей.

Я прислонилась плечом к стене.

Первым порывом было ответить привычное:

«Хорошо, сейчас позвоню».

Я даже набрала первые слова.

Потом остановилась.

Стерла.

Снова посмотрела на сообщение.

Возможно, Лера написала его по привычке. Возможно, вчера действительно забыла про флориста. Возможно, сейчас сидела в автобусе по дороге на работу и нервничала из-за того, что все нужно успеть.

Я понимала ее.

Очень хорошо понимала.

Но впервые за много лет поняла и кое-что еще.

Мне не обязательно немедленно решать любую проблему, с которой дочь ко мне обращалась.

Особенно после того, как она попросила меня отказаться от собственного места на ее свадьбе.

Я набрала ответ.

«Лера, с флористом я не договаривалась. И тете Нине не звонила».

Подумала немного.

Добавила:

«Я люблю тебя и хочу, чтобы у вас с Денисом все получилось. Но после вчерашнего разговора заниматься организацией вашей свадьбы я больше не буду. Эти вопросы теперь решайте сами».

Нажала «Отправить».

Телефон остался в моей руке.

Я ждала ответа.

Наверное, где-то внутри все еще надеялась, что дочь напишет: «Мамочка, прости меня. Я была неправа. Конечно, ты должна быть на свадьбе».

Но вместо этого через минуту на экране появилось:

«Я поняла».

И почти сразу следующее сообщение:

«Только не надо делать все назло мне».

Я долго смотрела на эти слова.

Потом убрала телефон в сумку.

Впервые за много лет я не знала, как правильно поступить, чтобы моя дочь осталась довольна.

И впервые не стала искать способ.

Глава 2. Со мной проще

К десяти утра я уже трижды ошиблась в одной и той же таблице.

Сначала поставила сотруднику лишний рабочий день. Потом перепутала номера строк. А когда наконец исправила все и собралась отправить данные начальнице, обнаружила, что забыла сохранить изменения.

Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

— Ира, у тебя что-то случилось?

Татьяна остановилась возле моего стола с кружкой кофе.

Мы работали вместе больше семи лет. За это время она научилась определять мое настроение по тому, как я раскладывала бумаги.

Если документы лежали ровными стопками, все было нормально. Если я начинала перекладывать их с места на место, значит, нервничала. А если вдруг принималась протирать монитор специальной салфеткой, которую обычно доставала раз в месяц, значит, дела были совсем плохи.

Сейчас я как раз держала эту салфетку.

— Ничего особенного, — ответила я. — Не выспалась.

Татьяна отпила кофе.

— Слушай, мне сорок четыре года, у меня муж, сын-подросток и свекровь, которая каждую субботу звонит узнать, хорошо ли я кормлю ее мальчика. Не надо рассказывать мне про недосып.

Я невольно улыбнулась.

— Серьезно звонила?

— В прошлую субботу интересовалась, почему Витя похудел. Я сказала, что он наконец перестал есть ночью колбасу прямо из холодильника. Теперь она считает, что я морю его голодом.

Татьяна села на край соседнего стола.

— Давай рассказывай.

— Работать надо.

— Надо. Но ты уже двадцать минут пытаешься начислить премию человеку, который в этом месяце был в отпуске. Так что сначала рассказывай.

Я посмотрела на экран.

Она была права.

Сотрудник действительно весь месяц находился в отпуске.

— Черт.

— Вот именно.

Я потерла лицо ладонями.

Рассказывать не хотелось. Особенно здесь, в кабинете, где за стеной сидели менеджеры, постоянно заходил начальник отдела продаж и каждые полчаса кто-нибудь просил объяснить, почему зарплата получилась на две тысячи меньше ожидаемой.

Но Татьяна была единственным человеком, которому я могла рассказать все без предварительных объяснений.

Она знала Сергея. Несколько раз встречалась с ним на наших общих праздниках.

Знала и Леру.

Однажды даже помогала выбирать ей подарок на восемнадцатилетие.

— Вчера дочь попросила меня не приходить на свадьбу, — сказала я.

Татьяна замерла.

— В смысле?

— В прямом.

— Она отменила свадьбу?

— Нет. Меня отменила.

Подруга смотрела на меня несколько секунд.

Потом медленно поставила свою кружку на стол.

— Ира, я сейчас, наверное, скажу что-нибудь нехорошее. Поэтому ты сначала объясни.

Я рассказала.

Про Сергея.

Про Веронику.

Про дорогой ресторан.

Про то, что дочь решила попросить уступить именно меня.

Татьяна слушала молча. Только один раз переспросила, знает ли Лера об измене.

— Знает, — ответила я.

— А Денис знает, что тебя не зовут?

— Пока нет. Она собиралась поговорить с ним после меня.

— Прекрасно.

— Тань...

— Нет, подожди. То есть папа ставит условие, дочь соглашается, а жених даже не знает, что его будущую тещу не приглашают на свадьбу?

— Получается, так.

Подруга некоторое время смотрела в окно.

Потом спросила:

— А Лера вообще понимает, что сделала?

Я опустила глаза.

— Наверное, понимает. Она вчера плакала.

— Плакать можно по разным причинам.

— Не надо так. Она не плохая девочка.

— Я и не говорю, что плохая. Я спрашиваю, понимает ли она.

Я не ответила.

Татьяна вздохнула.

— Ладно. Прости. Не буду сейчас на нее нападать. Тебе и без меня хватает.

За стеной громко засмеялись менеджеры.

Кто-то включил кофемашину.

В коридоре зазвонил телефон.

Мне вдруг захотелось уйти домой.

Не потому, что я собиралась плакать.

Просто было невозможно сидеть среди обычной рабочей суеты и делать вид, будто вчера ничего не случилось.

— Я ей утром написала, что больше не буду заниматься подготовкой, — призналась я.

— И правильно.

— Она обиделась.

— Конечно, обиделась. У нее же теперь самой дел прибавится.

Я подняла голову.

— Тань, ты бы видела ее вчера. Сидела и плакала. Говорила, что я заставляю ее выбирать.

— А ты заставляешь?

— Нет.

— Тогда почему ты должна отвечать за условия ее отца?

— Потому что я мать.

Татьяна устало усмехнулась.

— Вот ты сама сейчас слышишь, что говоришь?

— Слышу.

— И?

— Ничего. Я и так понимаю, что нельзя соглашаться.

— Тогда зачем оправдываешься?

Я не нашлась с ответом.

Татьяна наклонилась и тихо добавила:

— Ир, ты можешь ее любить и одновременно злиться на нее. Одно другому не мешает.

В эту минуту дверь распахнулась.

На пороге появился наш начальник отдела продаж Олег Петрович.

— Девочки, добрый день. У нас тут вопрос по начислениям.

Татьяна сразу выпрямилась.

— Олег Петрович, у нас каждый день вопросы по начислениям.

— Очень смешно. А если серьезно, Сергей Круглов утверждает, что ему неправильно посчитали премию.

Я повернулась к компьютеру.

— По какому подразделению?

— По региональным продажам.

— Тогда мне нужно посмотреть отчет.

Он положил на стол распечатку.

— Тут все написано.

Я пробежала глазами по цифрам.

— Здесь предварительный расчет. Итоговые данные руководитель подразделения прислал вчера вечером. У Круглова изменился процент выполнения плана.

— Значит, исправите?

— Если есть ошибка, исправим. Но сначала проверим утвержденный отчет.

Олег Петрович недовольно посмотрел на часы.

— Он хочет разобраться до обеда.

— Я тоже хочу закончить все до обеда, — сказала я. — Но без документов правильную сумму не назову.

Татьяна отвернулась, скрывая улыбку.

Начальник забрал распечатку и вышел.

Мы некоторое время молчали.

Потом подруга сказала:

— Вот видишь. На работе ты умеешь спокойно объяснять людям, что не можешь сделать невозможное.

Я посмотрела на нее.

— На работе мне за это зарплату платят.

— А дома?

— А дома я, похоже, сама всем доплачиваю.

Мы рассмеялись.

Не слишком весело, но мне действительно стало немного легче.

Татьяна вернулась к своему столу.

Я открыла утвержденный отчет и наконец занялась работой.

До обеда времени на переживания почти не осталось.

Пришлось уточнять данные по больничному, отвечать на вопросы кадровиков, проверять начисления новым сотрудникам. Один из менеджеров принес заявление без подписи и очень удивился, что я попросила его оформить документ нормально.

К половине первого я обнаружила, что не выпила даже половины утреннего кофе.

Он давно остыл.

Я потянулась за кружкой, когда зазвонил телефон.

Лера.

Сердце сразу неприятно сжалось.

Я посмотрела на экран, потом на открытые таблицы.

Можно было не отвечать.

Но я ответила.

— Да, доченька.

— Мам, ты занята?

— На работе.

— Я ненадолго.

Я отодвинулась от стола.

— Слушаю.

— Ты что, правда решила вообще ничего не делать по свадьбе?

Я прикрыла глаза.

Вот оно.

Никакого «как ты себя чувствуешь».

Никакого «мам, я подумала о вчерашнем разговоре».

Сразу о делах.

— Лера, я тебе написала утром.

— Я видела. Просто не понимаю, зачем так резко.

— А как мне надо было?

— Ну хотя бы предупредить заранее! Флорист сегодня ждет ответа, у нас с рассадкой ничего не готово, а тетя Нина уже второй раз спрашивает, кто ее встретит на вокзале.

— Ты можешь ей позвонить.

— Я на работе!

Я посмотрела на часы.

— Я тоже.

Дочь раздраженно выдохнула.

— Мам, ну ты прекрасно знаешь, что у меня сейчас испытательный срок. Я не могу постоянно заниматься личными делами.

— А я могу?

— У тебя же нормальная работа. Ты давно там работаешь.

Я почувствовала, как внутри снова поднимается вчерашняя обида.

— Лера, моя работа не становится менее важной от того, что я давно ее выполняю.

— Я не это имела в виду.

— Тогда объясни.

— Ты можешь иногда отлучиться. Я же знаю.

— Могу. Если договорюсь и потом выполню все свои обязанности. Но это не значит, что у меня свободный день.

В трубке повисло молчание.

Я услышала, как кто-то рядом с дочерью спросил, готова ли она идти на обед.

— Сейчас, — ответила Лера кому-то.

Потом снова заговорила со мной:

— Мам, ты слишком остро отреагировала на вчерашний разговор.

Я сжала телефон.

— Неужели?

— Мы ведь еще ничего окончательно не решили!

— Ты попросила меня не приходить на свадьбу.

— Я сказала, что так будет лучше для всех!

— Для кого именно?

— Опять начинается...

— Нет, Лера. Я хочу, чтобы ты сама услышала, что предлагаешь. Мне нужно остаться дома, чтобы отец оплатил ресторан, в котором будет праздновать свадьбу наша дочь вместе с женщиной, с которой он изменял мне. Я правильно поняла?

— Мам, пожалуйста, не говори так громко.

Я оглянулась.

Татьяна сидела за своим столом и делала вид, что внимательно читает документ.

Я действительно повысила голос.

— Хорошо, — ответила я тише. — Но от этого смысл не меняется.

— Я уже сказала, что мне жаль.

— Я слышала.

— Тогда почему ты продолжаешь?

Я с трудом удержалась, чтобы не ответить резко.

— Потому что ты сейчас опять просишь меня заниматься организацией свадьбы, на которую меня не хочешь приглашать.

— Я хочу!

— Но при условии, что отец согласится?

Дочь молчала.

— Лера?

— Я не знаю, что делать, мама.

Голос у нее дрогнул.

И вся моя злость вдруг ослабла.

Мне захотелось сказать, что я сама поговорю с Сергеем. Или с рестораном. Или с Андреем, который, может быть, сумеет повлиять на сына.

Я уже собиралась предложить помощь, но остановилась.

— Поговори с Денисом, — сказала я. — Это ваша свадьба. Он имеет право знать, что происходит.

— Он расстроится.

— Возможно.

— А если он поссорится с папой?

— С каким?

— С моим, конечно.

— Значит, им придется поговорить.

Лера помолчала.

— Ты стала какая-то другая.

Я посмотрела в окно.

Во дворе офиса водитель разгружал коробки из небольшого фургона. Рядом стояла женщина с папкой и что-то отмечала в накладной.

Обычная жизнь продолжалась.

— Не думаю, — ответила я. — Просто я тоже устала.

— От меня?

Я закрыла глаза.

Вот почему с дочерью всегда было так трудно спорить.

Она умела задавать вопросы, после которых любой честный ответ казался жестоким.

— Нет, солнышко. Не от тебя. От того, что мне все время приходится быть удобной.

— Я никогда не просила тебя быть удобной.

Я могла бы перечислить десятки случаев, когда она именно этого и просила.

Но не стала.

— Хорошо, Лера. Давай поговорим позже.

— Ты на меня обиделась?

— Да.

Она тихо втянула воздух.

— Ясно.

— Это не значит, что я перестала тебя любить.

— Я поняла.

Связь оборвалась.

Я положила телефон на стол и обнаружила, что у меня горят щеки.

Татьяна подошла с двумя контейнерами.

— Я взяла тебе обед. Пойдем поедим.

— Я не голодная.

— Отлично. Тогда просто посидишь рядом, пока я буду есть.

Она поставила передо мной контейнер с гречкой и котлетой.

— И не спорь. Мне надо с кем-то обсудить, почему мой муж опять купил не тот стиральный порошок.

Я поднялась.

— Он хотя бы купил.

— Вот! — Татьяна указала на меня вилкой. — Поэтому я и люблю с тобой разговаривать. Ты умеешь находить хорошее даже там, где его почти нет.

***

Вечером я возвращалась домой через супермаркет.

Нужно было купить хлеб, молоко и что-нибудь на ужин.

У холодильника с готовой едой я простояла минут пять.

Раньше я составляла меню на несколько дней. Сергей любил мясо, Лера предпочитала курицу, а я старалась готовить так, чтобы всем понравилось.

После развода вдруг выяснилось, что я не очень хорошо представляю, что люблю есть сама.

Не вообще.

Конечно, у меня были любимые блюда.

Но когда нужно было выбрать ужин только для себя, я часто терялась.

Сегодня взяла небольшую упаковку пельменей.

Потом вернулась за салатом.

Еще купила хороший сыр, который раньше всегда считала слишком дорогим для обычного завтрака.

На кассе сумма получилась неожиданно скромной.

Я заплатила, забрала пакет и вышла на улицу.

Дождь закончился.

Воздух пах мокрым асфальтом и молодой листвой.

Возле дома я остановилась у цветочного киоска.

На витрине стояли тюльпаны.

Белые, розовые, темно-фиолетовые.

Мне захотелось купить букет.

Просто поставить дома.

Без повода.

Я даже подошла к продавщице.

— Сколько стоят розовые?

Она назвала цену.

Я кивнула и уже собиралась достать кошелек, но вспомнила, что вчера купила Лере босоножки. До этого оплатила часть свадебных мелочей. Еще собиралась отложить деньги на подарок молодым.

— Спасибо, я пока подумаю.

Отошла.

Сделала несколько шагов.

Потом разозлилась на себя.

Мне было сорок три года. Я работала, исправно платила за квартиру, никому не задолжала и могла позволить себе пять тюльпанов.

Почему я опять считала, что сначала нужно обеспечить всех остальных?

Вернулась.

— Давайте пять розовых.

Продавщица ловко завернула цветы в бумагу.

— Себе или в подарок?

Я почему-то смутилась.

— Себе.

— Правильно. А то женщины все ждут, пока им кто-нибудь подарит.

Я улыбнулась.

Не стала объяснять, что сегодня купила цветы не ради какого-то важного решения.

Просто захотелось.

Дома поставила их в вазу.

Ваза оказалась слишком широкой, цветы развалились в разные стороны. Пришлось поискать другую.

В конце концов я нашла старый высокий стакан, в котором обычно держала кухонные лопатки.

Помыла его, налила воды и поставила тюльпаны на стол.

Получилось красиво.

Я разогрела пельмени, открыла упаковку сыра и включила телевизор.

По экрану бегали какие-то веселые люди. Ведущий задавал вопросы, зрители смеялись.

Я почти не слушала.

Периодически смотрела на телефон.

Лера не писала.

Сергей тоже.

Это было хорошо.

И одновременно мучительно.

Я вдруг поняла, как сильно привыкла к постоянным сообщениям.

Раньше кто-нибудь непременно спрашивал, где лежат документы, что купить к ужину, во сколько я буду дома, почему закончился порошок.

В последние месяцы мне казалось, что я мечтаю о тишине.

Теперь тишины стало слишком много.

Я взяла телефон и открыла переписку с Лерой.

Последнее сообщение осталось без ответа.

Хотелось написать ей что-нибудь обычное.

Спросить, поела ли она.

Напомнить про зонтик, потому что обещали дождь.

Отправить фотографию тюльпанов.

Я даже сфотографировала их.

Но потом убрала телефон.

Не потому, что хотела наказать дочь молчанием.

Просто не знала, как разговаривать с ней так, чтобы не вернуться к прежнему порядку.

Где я сначала обижалась, потом жалела, потом начинала помогать, а через несколько дней все забывали, из-за чего вообще поссорились.

На этот раз забыть не получалось.

***

В четверг на работе оказалось особенно шумно.

У начальницы было совещание, менеджеры спорили из-за премий, кадровик Марина дважды заходила ко мне с вопросами по больничным.

А потом выяснилось, что один из сотрудников неправильно указал банковские реквизиты.

Пришлось срочно уточнять данные.

Я занималась этим почти час и только после обеда вспомнила, что собиралась позвонить стоматологу.

Записалась на следующую неделю.

Потом посмотрела на календарь и обнаружила, что на ту же дату у меня стояла встреча с организатором свадьбы.

Я сама вписала ее еще две недели назад.

Теперь она выглядела странно.

Встреча, на которой нужно обсуждать праздник без моего участия.

Я открыла контакт организатора.

Написала короткое сообщение, что больше не занимаюсь подготовкой и все вопросы следует согласовывать непосредственно с Лерой и Денисом.

Указала номера молодых.

Отправила.

Через десять минут организатор ответила:

«Ирина Алексеевна, поняла. Надеюсь, у вас все хорошо».

Я смотрела на эти слова.

Что нужно было ответить?

Нет, у меня не все хорошо.

Мой бывший муж решил, что его любовнице будет удобнее на свадьбе без меня. А дочь согласилась.

Но чужому человеку совершенно незачем было знать об этом.

Я написала:

«Спасибо. По организационным вопросам теперь обращайтесь к молодым».

И закрыла переписку.

Татьяна, заметив мое выражение лица, придвинула ко мне конфету.

— На.

— За что?

— За терпение.

— У тебя их сколько?

— Одна осталась.

— Тогда себе оставь.

— Ира, возьми конфету, пока я не начала рассказывать про свекровь.

Я взяла.

Шоколад оказался с орехами.

В детстве Лера не любила такие конфеты, и я всегда отдавала ей все без орехов, оставляя себе остальные.

Смешно, какие мелочи вспоминались теперь.

К концу дня я почти перестала проверять телефон.

И именно тогда он зазвонил.

Номер был сохранен, но увидеть его среди входящих я не ожидала.

Денис.

Я удивилась.

Будущий зять редко звонил мне напрямую. Обычно все вопросы передавала Лера.

— Добрый вечер, Денис.

— Ирина Алексеевна, здравствуйте.

Голос у него был напряженный.

— Что-то случилось?

— Можно с вами поговорить?

Я посмотрела на часы.

Было почти шесть.

— Конечно. Только я еще на работе.

— Я ненадолго.

Он замолчал.

Я услышала, как где-то рядом проехала машина.

Наверное, Денис находился на улице.

— Лера мне все рассказала, — наконец произнес он.

Я закрыла глаза.

Значит, поговорили.

— Хорошо.

— Не совсем.

В его голосе появилось раздражение.

— Я даже не знал, что Сергей Владимирович поставил такое условие.

— Лера вчера собиралась тебе рассказать.

— Она рассказала только сегодня.

Я молчала.

— Ирина Алексеевна, я хотел извиниться.

— Тебе не за что.

— Есть за что. Я тоже соглашался на этот ресторан. И на гостей, которых мы толком не знаем. Мне казалось, раз Сергей Владимирович сам предлагает оплатить, почему бы и нет.

Денис тяжело выдохнул.

— Но я не думал, что все закончится вот этим.

Я почувствовала, как к горлу подкатывает ком.

— Денис, ты не мог знать.

— Наверное. Только теперь все равно нужно что-то делать.

Он помолчал.

— Вы правда сказали, что не придете?

— Нет.

— Вот. Я так и подумал.

— Почему?

— Потому что Лера сначала сказала, будто вы сами решили остаться дома, чтобы не встречаться с ее отцом. А потом выяснилось, что все наоборот.

Мне стало больно.

Не так, как во вторник.

Иначе.

До этого я надеялась, что дочь просто неудачно объяснила ситуацию.

Но она успела рассказать будущему мужу неправду.

И только теперь начала исправлять.

— Вы поссорились? — спросила я, сама удивившись глупости вопроса.

Денис ответил не сразу.

— С Лерой?

— Да.

— Поговорили на повышенных тонах.

— Мне жаль.

— Не надо. Вы же здесь ни при чем.

Я потерла лоб.

— Денис, я не хочу, чтобы вы ссорились из-за меня.

— Мы ссорились не из-за вас.

Эти слова прозвучали твердо.

— Просто мне неприятно, что от меня скрыли такое решение. Если бы Лера сразу рассказала, мы бы вместе подумали, как поступить.

Я представила дочь.

Она наверняка плакала.

Может быть, сейчас сидела дома одна, потому что Денис вышел прогуляться после ссоры.

Мне захотелось немедленно ей позвонить.

— Она очень переживает, — сказала я.

— Знаю.

— Денис, ты только...

Я остановилась.

Что хотела попросить?

Не сердиться на Леру?

Помириться?

Сделать вид, что ничего страшного не произошло?

Я вдруг поняла, что едва не вмешалась в их отношения, пытаясь все уладить за них.

— Что? — спросил Денис.

— Ничего. Просто постарайтесь поговорить спокойно.

— Постараемся.

Он немного помолчал.

— Я не обещаю, что мы сейчас все быстро исправим. Там уже оплачено много всего. Надо смотреть договоры.

— Конечно.

— Но я не согласен на свадьбу, куда не пустят вашу маму... — Он запнулся и смущенно кашлянул. — В смысле, мою будущую тещу. Простите, я совсем запутался.

Я неожиданно улыбнулась.

— Ничего страшного.

— Мне кажется, это ненормально.

— Мне тоже.

Снова наступила пауза.

Потом Денис сказал:

— Спасибо, что выслушали. Я просто не хотел, чтобы вы думали, будто я обо всем знал и молча согласился.

Я крепче сжала телефон.

— Спасибо, Денис.

— За что?

— За то, что позвонил.

Мы попрощались.

Я положила телефон и несколько секунд сидела неподвижно.

Татьяна посмотрела на меня поверх монитора.

— Хорошие новости?

Я задумалась.

— Пока не знаю.

— Но?

— Денис узнал.

— И?

— Он не согласен.

Подруга отложила ручку.

— Ну хоть кто-то в этой свадьбе вспомнил, что взрослые люди должны разговаривать друг с другом.

Я усмехнулась.

— Они теперь, наверное, поссорились.

— Наверное.

— Лера плачет.

— Может быть.

— Я должна ей позвонить?

Татьяна посмотрела на меня очень внимательно.

— А ты хочешь?

— Хочу, конечно.

— Тогда позвони. Только зачем?

Я растерялась.

— Что значит зачем?

— Ты хочешь узнать, как она? Или уговорить Дениса с ней помириться, потом успокоить Сергея, потом снова заняться свадьбой?

Я возмущенно посмотрела на подругу.

— Не надо так утрировать.

— Я и не утрирую. Я тебя знаю.

Она взяла сумку.

— Ир, ты можешь оставаться хорошей матерью, даже когда твоя взрослая дочь разбирается с собственными ошибками. Она не маленькая.

Мне не понравились эти слова.

Не потому, что они были неправильными.

Просто очень трудно было воспринимать Леру как взрослую женщину, которая могла поступить плохо и теперь должна была сама исправлять последствия.

Для меня она все еще оставалась дочерью.

А слово «дочь» почему-то означало, что я обязана защищать ее от любой боли.

Даже той, которую она причинила мне.

***

Домой я приехала после семи.

Открыла дверь, поставила сумку на тумбу и сразу увидела тюльпаны.

За день они немного раскрылись.

Я подошла, поправила один цветок.

Потом подумала, что нужно бы сфотографировать их, пока не завяли.

Сделала снимок.

В этот момент пришло сообщение от Андрея.

«Ирина, добрый вечер. Предложение насчет завтрашнего кофе еще в силе. Вам удобно после шести?»

Я посмотрела на экран.

После сегодняшнего разговора с Денисом звонок Андрея уже не казался совершенно посторонним событием.

Наверное, он тоже узнал.

И теперь я боялась, что встреча превратится в обсуждение семейного скандала.

Я несколько раз набирала ответ и стирала.

Наконец написала:

«Добрый вечер. Удобно. Только, наверное, вам уже известно, что произошло с подготовкой свадьбы».

Ответ пришел почти сразу.

«Денис рассказал мне сегодня».

Я опустилась на край дивана.

Следующее сообщение появилось через несколько секунд.

«Мне жаль, что вам пришлось это услышать от дочери».

Я перечитала его.

Странно.

Он не написал, что я должна понять Леру.

Не предложил помириться с Сергеем.

Не сказал, что свадьба важнее старых обид.

Просто признал, что со мной произошло что-то болезненное.

Я набрала:

«Может быть, нам лучше отложить встречу?»

Он ответил:

«Если вам не хочется встречаться, конечно. Но я приглашал вас не для обсуждения свадьбы».

Я замерла.

Прочитала сообщение еще раз.

Потом еще.

Наверное, мужчина просто проявлял вежливость.

Но почему-то я почувствовала себя неловко.

Я привыкла к тому, что взрослые люди общаются по делу.

Сергей в последние годы звонил мне почти исключительно с вопросами.

Где документы.

Когда приедет мастер.

Сколько нужно перевести дочери.

Почему я не ответила на сообщение.

Даже когда мы еще были женаты, обычные разговоры без конкретной цели случались все реже.

А Андрей предлагал встретиться просто потому, что хотел.

Я написала:

«Тогда давайте завтра».

«Договорились. Есть хорошее небольшое кафе недалеко от вашего офиса. Могу прислать адрес».

Я согласилась.

Он отправил название и время.

Восемнадцать тридцать.

Потом добавил:

«Ирина, если завтра будете уставшей, просто напишите. Перенесем».

Я улыбнулась.

«Я обычно уставшая к вечеру. Работа такая».

«Значит, выберем хороший кофе».

Я не сразу поняла, что сижу и улыбаюсь телефону.

Когда заметила, стало даже немного стыдно.

Мне было сорок три года.

Позади развод, впереди скандал из-за свадьбы дочери.

А я улыбалась сообщению мужчины.

Потом решила, что ничего плохого в этом нет.

Подошла к шкафу.

Открыла.

Посмотрела на одежду.

И вдруг с удивлением поняла, что не представляю, в чем идти на встречу.

На работу я обычно надевала брюки или юбку с блузкой. Дома ходила в удобных футболках. Нарядные вещи почти все были куплены для семейных праздников.

Я достала темно-синее платье.

Приложила к себе.

Посмотрела в зеркало.

Неплохо.

Только оно было слишком строгим.

Потом нашла светлую блузку с небольшим вырезом.

И черные брюки, которые давно не надевала.

Снова посмотрела на себя.

Убрала вещи обратно.

— Господи, Ирина, — сказала я вслух. — Ты просто идешь пить кофе.

Но от этих слов почему-то стало еще смешнее.

Вечером позвонила Лера.

Я увидела ее имя и сразу перестала улыбаться.

Несколько секунд собиралась с мыслями.

Потом ответила.

— Привет, солнышко.

— Привет, мам.

Голос у дочери был усталый.

Я услышала шум воды.

Наверное, она находилась на кухне.

— Ты дома?

— Да.

— Денис тоже?

— В другой комнате.

Мы помолчали.

Потом Лера тихо спросила:

— Он тебе звонил?

— Да.

— Я знаю.

— Вы поговорили?

— Поговорили.

Я ждала.

Дочь вздохнула.

— Он очень разозлился.

— Понимаю.

— Сказал, что я не имела права скрывать от него папино условие.

— Мне кажется, он прав.

Лера замолчала.

Раньше я бы поспешила добавить, что она просто растерялась, что Денис тоже должен ее понять, что все можно исправить.

Теперь сдержалась.

— Мам, я не хотела тебя обманывать.

— Но ты сказала Денису, что я сама не хочу приходить.

— Я сначала так сказала. Потом объяснила все.

— Зачем ты вообще придумала эту версию?

— Потому что не знала, что еще делать! Мне казалось, если ты согласишься, никто даже не будет выяснять подробности.

Я села на диван.

— Лера, Денис ведь не посторонний человек. Вы собираетесь пожениться. Как ты представляла себе вашу семейную жизнь, если уже сейчас приходится скрывать от него такие вещи?

— Я не собиралась скрывать всегда.

— А сколько?

— Не знаю, мама!

Она всхлипнула.

Я закрыла глаза.

Мне было тяжело слушать ее слезы.

— Лера, — сказала я мягче, — я не хочу читать тебе нотации. Но ты сама понимаешь, что проблема не только в отцовских деньгах?

— Теперь понимаю.

Я не стала спрашивать, насколько.

— Вы решили, что будете делать?

— Пока нет. Денис сказал, что завтра посмотрит все договоры. Он хочет понять, сколько мы потеряем, если откажемся от ресторана.

— Хорошо.

— Но, мама...

Я напряглась.

— Что?

— А если мы не сможем ничего поменять?

Я посмотрела на свои руки.

— Тогда вам придется решать, что делать дальше.

— Ты все равно не согласишься?

Этот вопрос прозвучал тихо.

Без раздражения.

И от этого оказался особенно тяжелым.

— Нет, Лера.

Она заплакала.

Я сидела, слушала ее дыхание и чувствовала, как собственные глаза наполняются слезами.

— Я тебя очень люблю, — сказала я.

— И я тебя.

— Но я хочу присутствовать на твоей свадьбе. Не на отдельном ужине. Не потом, когда все закончится. А в тот день, когда ты выйдешь замуж.

— Я понимаю.

— Правда?

Она помолчала.

— Я постараюсь.

Мы попрощались.

Я положила телефон и долго смотрела в темное окно.

Наверное, впервые за много лет я позволила дочери остаться недовольной моим ответом.

И мир не рухнул.

Правда, легче от этого не стало.

***

В пятницу я проснулась с неожиданным волнением.

Не из-за Леры.

Хотя ее история никуда не исчезла.

А потому, что вечером собиралась встретиться с Андреем.

Я несколько раз напоминала себе, что это просто кофе.

Не свидание.

Не начало новой жизни.

Обычная встреча двух взрослых людей, которые познакомились благодаря будущей свадьбе детей.

Тем более Андрей вполне мог хотеть обсудить Дениса и Леру.

Но тогда зачем он специально написал, что приглашал меня не ради свадьбы?

Этот вопрос занимал меня почти всю дорогу до работы.

В автобусе я вдруг поймала себя на том, что рассматриваю собственное отражение в темном стекле.

Проверила, как лежат волосы.

Поправила воротник блузки.

Потом рассердилась на себя.

Когда мне было двадцать лет, я могла собираться на свидание два часа и не видеть в этом ничего смешного.

А теперь даже собственное желание выглядеть хорошо казалось чем-то неловким.

Словно после сорока женщина должна исключительно работать, покупать продукты, переживать за детей и обсуждать давление с подругами.

Я усмехнулась.

Нет уж.

Кофе так кофе.

Если мужчина приглашает, почему бы не пойти?

В офис я приехала вовремя.

Татьяна уже сидела за столом и разговаривала по телефону.

— Нет, — говорила она очень спокойно, — я не знаю, где твои белые кроссовки. Последний раз я видела их на твоих ногах. Попробуй поискать там, где ты разуваешься.

Она послушала ответ.

— Нет, сынок, я сейчас не приеду домой искать тебе кроссовки. Мне надо работать.

Еще немного помолчала.

— Тогда надевай черные. Они тоже подходят для физкультуры.

Отключилась.

Посмотрела на меня.

— Доброе утро.

— Нашел?

— Не знаю. Надеюсь, что когда-нибудь научится. Иначе женится и начнет звонить мне с вопросами, где лежат его носки.

Я рассмеялась.

— Ты жестокая мать.

— Ужасная. Еще и обед вчера сам себе разогревал.
Она внимательно посмотрела на меня.
— А ты сегодня лучше выглядишь.
— Спасибо.
— Не благодари. Я просто отметила факт. Что случилось?
Я прошла к столу.
— Ничего.
— Ира.
Я улыбнулась.
— Сегодня после работы встречаюсь с человеком.
Татьяна замерла.
Потом медленно повернулась ко мне всем корпусом.
— С каким человеком?
— С мужчиной.
— Каким мужчиной?
— Таня!
— Мне сорок четыре года. Я имею право задать этот вопрос.
Я достала из сумки телефон.
— Андрей Мельников. Отец жениха Леры.
Татьяна открыла рот.
Закрыла.
Потом сказала:
— Ну ничего себе.
— Мы просто кофе попьем.
— Конечно.
— Татьяна!
— Я молчу.
Она действительно замолчала.
Ровно на три секунды.
— Красивый?
Я почувствовала, как краснею.
— Нормальный.
— Это не ответ.
— Высокий. Седина немного. Приятный.
— Ага.
— И разговаривать с ним интересно.
— Вот это уже гораздо важнее.
Татьяна поднялась, подошла ко мне и внимательно осмотрела.
— Блузка хорошая. Волосы тоже. Только помаду вечером обнови.
— Мы идем пить кофе, а не жениться.
— Я услышала. Ты уже третий раз сказала.
Я не удержалась от смеха.
Подруга тоже засмеялась.
И мне вдруг стало легко.
Не совсем.
Где-то внутри все равно сидела тяжесть после разговора с дочерью.
Но рядом с ней появилось другое чувство.
Ожидание.
Мне давно не приходилось ждать встречи с мужчиной.

После развода несколько знакомых советовали зарегистрироваться на сайте знакомств. Одна подруга даже предложила познакомить меня со своим разведенным соседом.

Я отказывалась.

Не потому, что считала себя слишком старой.

Просто не представляла, как снова рассказывать кому-то о себе.

Что люблю.

Как провожу выходные.

Какую музыку слушаю.

Чего жду от отношений.

Мне казалось, что за двадцать два года брака ответы на эти вопросы куда-то исчезли.

Я знала, что любит Сергей.

Знала привычки Леры.

Помнила дни рождения родственников, расписание работы магазинов, в которых покупала продукты, и даже марку кофе, который предпочитала бывшая свекровь.

Но когда пыталась вспомнить, что интересно лично мне, начинала перечислять занятия, которыми давно не занималась.

Андрей почему-то не вызывал желания заранее готовить правильные ответы.

Может быть, потому что на семейном ужине мы уже разговаривали.

Он видел меня обычной.

Уставшей после работы, немного раздраженной бесконечными обсуждениями свадебного декора.

И все равно предложил встретиться.

Я не хотела придавать этому слишком большое значение.

Но все-таки радовалась.

***

В половине шестого я закончила последние расчеты и отправила начальнице нужные файлы.

До встречи оставался час.

Обычно по пятницам я старалась уйти домой пораньше, если позволяла работа. Нужно было купить продукты, прибраться, иногда заехать к Лере.

Сегодня торопиться домой не хотелось.

Татьяна заглянула ко мне перед уходом.

— Не забудь про помаду.

— Я тебя сейчас чем-нибудь запущу.

— Только не степлером. Он казенный.

Она подмигнула и исчезла за дверью.

Я посмотрела на часы.

Потом открыла маленькое зеркальце.

Поправила волосы.

Достала помаду.

И вдруг подумала о том, что скажет Лера, если узнает, что я встречалась с отцом ее жениха.

Наверное, удивится.

Может быть, даже рассердится.

Ей и так хватало проблем.

Но ведь я не собиралась делать ничего плохого.

Пить кофе с человеком не запрещалось даже в нашей удивительной семейной ситуации.

Когда до встречи осталось четверть часа, я убрала помаду в сумку и вышла.

На улице было тепло.

После нескольких дождливых дней наконец выглянуло солнце, и город казался почти летним.

Кафе находилось в десяти минутах ходьбы от моего офиса.

Небольшое, на первом этаже старого кирпичного дома. Перед входом стояли два столика, над которыми висели горшки с цветами.

Андрея я увидела сразу.

Он стоял возле окна и разговаривал по телефону.

На нем были темные брюки и светлая рубашка с закатанными рукавами. Одной рукой он держал телефон у уха, другой придерживал папку с бумагами.

Увидев меня, Андрей улыбнулся.

И почему-то эта улыбка оказалась совсем не такой, как я ожидала.

Теплой.

Личной.

Он быстро закончил разговор, убрал телефон.

— Добрый вечер, Ирина.

— Добрый вечер.

— Я не заставил вас ждать?

— Нет. Это я чуть раньше пришла.

— Отлично. Тогда у нас есть редкая возможность выбрать столик до того, как его займут.

Он открыл передо мной дверь.

Внутри пахло свежей выпечкой и кофе.

За одним столиком сидела молодая пара. Девушка что-то показывала парню в телефоне и смеялась. Возле окна разговаривали две пожилые женщины.

Андрей предложил место в глубине зала.

— Здесь тише. Но если хотите у окна, можем пересесть.

Я посмотрела на свободный столик.

— Давайте здесь. Я сегодня весь день провела среди телефонов и разговоров. Хочется хоть немного тишины.

— Знакомое желание.

Мы сели.

К нам подошла официантка.

Андрей открыл меню.

— Я здесь однажды пил хороший капучино. Но не буду ручаться, что за полгода его не испортили.

— Полгода назад?

— Примерно.

— И вы помните вкус?

— Я помню, что не хотелось жаловаться.

Я рассмеялась.

— Удивительно высокая оценка.

— Для человека, который большую часть дня разбирается с чужими ошибками, вполне.

Мы заказали кофе и по небольшому десерту.

Я сначала собиралась отказаться от сладкого, но потом увидела пирожное с лимонным кремом.

Очень захотелось попробовать.

Андрей заметил, что я задержала взгляд на фотографии.

— Берите.

— Я еще думаю.

— О чем?

— О том, что после шести вечера пирожные есть не рекомендуется.

Он посмотрел на часы.

— Уже поздно. Тогда, наверное, придется взять два, чтобы день окончательно пропал.

Я рассмеялась.

Заказала пирожное.

Андрей выбрал шоколадный десерт.

Официантка ушла.

На несколько секунд между нами возникла неловкая пауза.

Я посмотрела на мужчину напротив.

Вблизи он казался старше, чем на семейном ужине.

У глаз были заметны морщинки. На висках действительно серебрилась седина.

Но лицо было привлекательным.

Особенно когда он улыбался.

У него был прямой нос, выразительный подбородок и очень внимательный взгляд.

Я поймала себя на том, что рассматриваю его слишком долго.

Поспешно отвела глаза.

— Как у вас прошел день? — спросил Андрей.

— Нормально. Если не считать того, что один сотрудник уверен, будто ему недоплатили премию, хотя он сам не выполнил план.

— Убедили?

— Пока нет. Он требует поговорить с директором.

— Директор поможет?

— Если перепишет показатели продаж, то да.

Андрей усмехнулся.

— У нас один заказчик недавно потребовал закончить проект на неделю раньше. Когда я спросил, готов ли он доплатить за срочность, очень удивился.

— Наверное, сказал, что вам просто нужно лучше организовать работу?

Андрей посмотрел на меня с неподдельным интересом.

— Вы знакомы?

Я рассмеялась.

— Нет. Просто такие люди встречаются в любой профессии.

Он кивнул.

— К сожалению.

Разговор постепенно стал легче.

Мы обсуждали работу.

Вспоминали забавные случаи.

Андрей признался, что однажды приехал на важную встречу с папкой, в которой вместо документов лежали школьные рисунки сына.

— Денис тогда учился во втором классе. Собирал портфель и, видимо, решил, что мои бумаги ему пригодятся больше.

— И что вы сделали?

— Провел встречу без папки.

— А рисунки?

— Показал заказчику. Он сказал, что у моего сына хороший глазомер.

Я улыбнулась.

— Денис ведь действительно стал инженером.

— Да. Но подозреваю, что не из-за того рисунка.

Мы рассмеялись.

Потом Андрей спросил:

— А вы всегда хотели работать бухгалтером?

Я задумалась.

— Нет.

— А кем?

— В детстве мечтала стать актрисой.

Он удивленно поднял брови.

— Серьезно?

— Абсолютно. Даже ходила в театральный кружок.

— И что случилось?

— Мама сказала, что артистов много, а хороших бухгалтеров всегда не хватает.

Андрей улыбнулся.

— Практичная женщина.

— Очень. Я тогда обиделась, а потом поступила учиться на экономиста.

— Жалеете?

Я немного подумала.

— О профессии нет. Мне нравится, когда все сходится. Нравится находить ошибки, наводить порядок в документах. Не нравится только, когда люди считают, будто бухгалтер может исправить любое их решение.

— А театр?

— Остался в детстве.

— Совсем?

— Я иногда хожу на спектакли. Но в последнее время редко.

— Почему?

Я хотела ответить привычное «некогда».

Но вдруг остановилась.

Времени действительно не хватало.

Работа, дом, семья.

Только теперь, когда Сергей ушел, а Лера жила отдельно, свободных вечеров стало гораздо больше.

И я почему-то все равно почти никуда не выбиралась.

— Наверное, отвыкла, — призналась я.

Андрей не стал советовать срочно купить билеты.

Просто кивнул.

— Понимаю.

Официантка принесла кофе и десерты.

Я отломила маленький кусочек пирожного.

Оно оказалось очень вкусным.

Лимонный крем был кисловатым, нежным, а сверху лежала тонкая хрустящая полоска белого шоколада.

Я невольно прикрыла глаза.

— Хорошее? — спросил Андрей.

— Очень.

— Тогда придется мне сюда еще вернуться.

— А вы не любите лимонные десерты?

— Не особенно.

— Зря.

Он посмотрел на мое пирожное.

— Убедительно.

Мы снова рассмеялись.

Я вдруг заметила, что уже минут двадцать не вспоминала о Лере.

Это открытие было странным.

Словно я совершила что-то непозволительное.

Дочь переживала из-за свадьбы, Денис пытался разобраться в ситуации, Сергей наверняка злился.

А я сидела в кафе и ела пирожное.

Но именно в этот момент мне было хорошо.

И я не хотела, чтобы этот вечер закончился слишком быстро.

— Андрей, — сказала я, — можно задать вопрос?

— Конечно.

— Вы знали о ситуации со свадьбой до разговора с Денисом?

Он сразу понял, о чем я спрашивала.

— Нет. Вчера сын рассказал.

— И что вы думаете?

Андрей поставил чашку.

— Думаю, что Денису и Лере придется принимать решение вместе.

— Это понятно.

— А еще думаю, что вам сделали очень неприятное предложение.

Я опустила глаза.

— Мягко сказано.

— Понимаю.

— Не уверена.

Он не обиделся.

— Наверное, не до конца. Но мне кажется неправильным, когда одного родителя просят отказаться от присутствия на свадьбе ради удобства другого.

Я провела пальцем по краю блюдца.

— Лера считает, что я слишком остро реагирую.

— Денис рассказал мне, что она очень переживает.

— Она правда переживает.

— Я не сомневаюсь.

— Просто...

Я замолчала.

Как объяснить человеку, которого знаешь всего неделю, что самым страшным оказалась даже не сама просьба?

А уверенность дочери.

Она не сомневалась, что именно со мной можно договориться.

Не с отцом.

Не с рестораном.

Не с организаторами.

Со мной.

— Просто я всегда старалась ей помогать, — сказала я наконец. — И сейчас не понимаю, как получилось, что это стало причиной попросить меня остаться дома.

Андрей некоторое время молчал.

Потом спросил:

— Вы говорили ей именно это?

— Не совсем.

— Почему?

Я пожала плечами.

— Не хотелось делать ей еще больнее.

Он посмотрел на меня.

— Понятно.

В его голосе не было ни осуждения, ни снисхождения.

Я ожидала какого-нибудь совета.

Например, что нужно быть тверже.

Или что дети всегда эгоистичны.

Или что я сама виновата, потому что слишком избаловала дочь.

Но Андрей ничего такого не сказал.

— Денис мне вчера тоже кое-что рассказал, — произнес он.

Я напряглась.

— Что?

— Что ему не понравилось, как Лера скрыла от него разговор с вами.

— Они поссорились.

— Да.

— Вы говорили с сыном?

— Немного. Он позвонил, рассказал и спросил, что я думаю.

— И что вы ответили?

Андрей сделал глоток кофе.

— Что свадьба их. И если они решили создать семью, им придется учиться обсуждать неприятные вещи между собой.

Я задумалась.

— А если они откажутся от ресторана?

— Значит, выберут другой.

— Вы так спокойно говорите.

Он усмехнулся.

— Я не совсем спокойно отнесся к некоторым подробностям. Но Денис уже взрослый. Я могу сказать свое мнение, а договоры им придется читать самим.

Я посмотрела на него с неожиданным интересом.

— Вы всегда так относились к его решениям?

Андрей рассмеялся.

— Нет, конечно. Когда ему было семнадцать, я пытался убедить его поступать в другой институт.

— Почему?

— Считал, что выбранная специальность слишком узкая. Мы три недели спорили. В итоге он поступил туда, куда хотел, а я еще полгода рассказывал себе, что он обязательно пожалеет.

— Пожалел?

— Нет. А вот мне потом пришлось извиняться.

Я улыбнулась.

— И вы извинились?

— Пришлось. Он принес первый диплом с отличием и очень выразительно положил его передо мной.

Я рассмеялась.

— Представляю.

Андрей тоже улыбался.

— Не скажу, что после этого перестал лезть с советами. Но иногда вспоминаю тот диплом.

Мне понравилось, что он не изображал идеального отца.

Не говорил, будто всегда уважал выбор сына.

Просто рассказал историю, в которой сам оказался неправ.

Это было неожиданно приятно.

Я вдруг поймала себя на том, что хочу узнать о нем больше.

Не как об отце Дениса.

Не как о человеке, который может помочь решить проблему со свадьбой.

Просто о мужчине.

— А вы давно развелись? — спросила я.

Андрей немного удивился, но ответил спокойно:

— Девять лет назад.

— Простите, если вопрос слишком личный.

— Ничего страшного. Мы с Натальей уже много лет нормально общаемся.

— Денис тогда был подростком?

— Пятнадцать. Не самый простой возраст.

— Наверное, тяжело пережил?

Андрей посмотрел в окно.

— Сначала да. Особенно когда понял, что мы не передумаем. Он долго пытался выяснить, кто виноват.

— А кто был?

— Мы оба. Только по-разному.

Я молчала.

— Я слишком много работал, — продолжил Андрей. — Наталья давно говорила, что ей не хватает моего участия. Я считал, что если обеспечиваю семью, то остальное можно как-нибудь устроить. А когда мы наконец начали серьезно разговаривать, оказалось, что оба уже устали.

Он произнес это без попытки вызвать сочувствие.

— Измен не было? — спросила я и тут же пожалела о своей прямоте.

Андрей посмотрел на меня.

— Нет.

Я почувствовала, как краснею.

— Извините.

— За что?

— Не знаю. Наверное, не стоило спрашивать.

— Вы сейчас переживаете развод после измены. Понимаю, почему этот вопрос для вас важен.

Я посмотрела на него.

Он не пытался разузнать подробности.

Не задавал вопросов о Сергее.

И от этого мне вдруг захотелось самой что-нибудь рассказать.

— Я долго думала, что мы с мужем просто устали, — призналась я. — Работали много. Лера выросла. Стало меньше общих дел. Мне казалось, что у всех так бывает.

Андрей слушал.

— А потом выяснилось, что у него почти год была другая женщина.

Я сделала паузу.

— Самое неприятное, наверное, даже не это. А то, сколько обычных дней оказалось испорчено задним числом.

— Что вы имеете в виду?

— Например, я вспоминаю семейный ужин. Мы сидим, разговариваем, смеемся. Потом смотрю на дату и понимаю, что в тот период у него уже были отношения с Вероникой. И начинаю думать, что он тогда чувствовал, зачем улыбался, о чем думал.

Андрей не перебивал.

— Глупо, наверное.

— Нет.

Я посмотрела на него.

— Вы не обязаны сейчас меня успокаивать.

— Я и не собирался.

Он ответил настолько просто, что я не удержалась от улыбки.

— Хорошо.

— Ирина, можно я тоже кое-что спрошу?

— Конечно.

— Вам не кажется, что мы слишком серьезно разговариваем для первого кофе?

Я удивленно посмотрела на него.

А потом рассмеялась.

По-настоящему.

Так, что пришлось прикрыть рот салфеткой.

Андрей улыбался.

— Я вообще-то собирался узнать, какие фильмы вы любите, а мы уже обсудили два развода, воспитание детей и ошибки руководителей.

— Это вы еще не знаете, что я думаю о неправильном оформлении авансовых отчетов.

— Надеюсь, на сегодня оставим.

— Как скажете.

Мы заказали еще по чашке кофе.

На этот раз я взяла капучино.

Андрей спросил, какие фильмы мне нравятся.

И я неожиданно поняла, что ответить не так просто.

Раньше мы выбирали фильмы вместе с Сергеем.

Он предпочитал боевики и детективы, я любила комедии и хорошие мелодрамы. В итоге чаще смотрели то, что нравилось ему.

Потом он начал засыпать перед телевизором.

Я досматривала одна.

В последние годы почти перестала включать фильмы по вечерам.

Но Андрею не хотелось рассказывать об этом.

Поэтому я честно призналась:

— Мне нравятся хорошие романтические комедии. Только я давно не видела ничего интересного.

— Значит, у меня появилась задача.

— Какая?

— Найти фильм, который вы еще не смотрели и который окажется хорошим.

— А если не получится?

— Буду искать следующий.

Я улыбнулась.

Он тоже.

На мгновение между нами возникла тишина.

Не неловкая.

Просто мы посмотрели друг на друга чуть дольше, чем требовал обычный разговор.

Я первой отвела глаза.

Потянулась к чашке.

И обнаружила, что кофе закончился.

Андрей посмотрел на часы.

— Ого.

— Что?
— Мы сидим уже почти два часа.
Я достала телефон.
Он был прав.
Время пролетело совершенно незаметно.
— Мне, наверное, пора, — сказала я.
— Конечно.
Мне показалось, что он немного разочарован.
И это неожиданно обрадовало.
Официантка принесла счет.
Я потянулась за кошельком.
— Давайте пополам.
Андрей посмотрел на меня.
— Я вас пригласил.
— Но мы оба пили кофе.
— Это верно.
Он улыбнулся.
— Давайте сегодня я оплачу. А в следующий раз, если захотите, вы выберете место.
Я замерла.
Следующий раз.
Он сказал это совершенно спокойно.
Без намека.
Без давления.
Как возможность, которую я могла принять или не принять.
— Хорошо, — ответила я.
Андрей оплатил счет.
Мы вышли из кафе.
На улице уже начинало темнеть.
Машины медленно двигались вдоль тротуара, люди торопились домой, возле остановки собралась небольшая очередь.
Андрей остановился рядом со мной.
— Вы на машине?
— Нет. Сегодня на автобусе.
— Могу подвезти.
Я задумалась.
Он не настаивал.
И я вдруг поймала себя на том, что мне хочется согласиться.
Не потому, что устала.
Не потому, что было далеко.
Просто не хотелось сразу прощаться.
— Если вам по пути, — сказала я.
— Не совсем, но это не проблема.
— Андрей, мне правда недалеко.
Он улыбнулся.
— Тогда могу хотя бы проводить до остановки.
Я кивнула.
Мы пошли рядом.

Он рассказывал о небольшом проекте, который сейчас вел, а я вспоминала смешную историю о том, как наша начальница однажды перепутала корпоративный чат с семейным и отправила всему отделу фотографию пирога с подписью «Саша, не трогай, это папе».

Андрей смеялся.

Мне нравился его смех.

Низкий, негромкий.

Он не пытался казаться моложе.

Не хвастался.

Не делал двусмысленных комплиментов.

Но я чувствовала его внимание.

Когда рассказывала что-нибудь, он смотрел на меня.

Не в телефон.

Не по сторонам.

На меня.

И от этого почему-то хотелось говорить еще.

На остановке мы замолчали.

Подошел автобус.

Не мой.

Люди начали заходить.

Андрей посмотрел на табло.

— Ваш через пять минут.

— Да.

— Хорошо.

Он стоял рядом, сунув руки в карманы.

Я вдруг почувствовала странное волнение.

Как в молодости, когда после свидания не знаешь, будет ли мужчина звонить снова.

Хотя мы ведь ничего не обещали друг другу.

Просто кофе.

Просто хороший вечер.

— Ирина, — сказал Андрей, — спасибо, что пришли.

— И вам спасибо.

— Мне было очень приятно с вами разговаривать.

Я улыбнулась.

— Мне тоже.

Он немного помолчал.

— Я бы хотел увидеть вас снова.

От этих слов у меня потеплело в груди.

Я не ожидала, что обычная фраза может вызвать такую реакцию.

— Я тоже, — ответила я.

И удивилась собственной смелости.

Андрей улыбнулся.

— Тогда договоримся позже. Не хочу сейчас занимать ваш выходной без разрешения.

Я рассмеялась.

— У меня пока нет планов.

— Значит, они могут появиться.

Подошел мой автобус.

Мы попрощались.

Андрей подождал, пока я войду.

Я нашла свободное место у окна.

Когда автобус тронулся, увидела, что он все еще стоит на остановке.

Я улыбнулась.

И вдруг поняла, что за последние два часа впервые за много дней чувствовала себя не бывшей женой Сергея.

Не матерью Леры.

Не бухгалтером, у которой бесконечные расчеты.

А просто Ириной.

Женщиной, с которой интересному мужчине захотелось провести вечер.

Это было непривычно.

И очень приятно.

***

Дома я первым делом поставила чайник.

Потом вспомнила, что только что выпила две чашки кофе, и выключила его.

Открыла холодильник.

Посмотрела на продукты.

Есть не хотелось.

Я достала телефон.

На экране было сообщение от Андрея.

«Вы добрались?»

Я ответила:

«Да, уже дома».

Через минуту пришло следующее:

«Хорошо. Еще раз спасибо за вечер».

Я улыбнулась.

«И вам спасибо. Пирожное было отличным».

Ответ появился почти сразу.

«Значит, кафе заслуживает второго посещения».

Я рассмеялась.

Написала:

«Особенно если у них есть что-нибудь с клубникой».

Он прислал короткое:

«Уточню».

Я положила телефон на стол.

Потом снова взяла.

Посмотрела на переписку.

И вдруг почувствовала себя глупо счастливой.

Не так, как когда-то с Сергеем.

Тогда мне было двадцать, я влюблялась впервые и считала, что все обязательно будет замечательно.

Теперь я знала, что замечательно бывает не всегда.

Что люди могут разлюбить.

Обмануть.

Уйти.

Что даже двадцать два года брака ничего не гарантируют.

Но почему-то это не мешало мне радоваться обычному сообщению.

Я подошла к зеркалу.

Посмотрела на себя.

Выглядела уставшей после рабочего дня.

На лбу появилась тонкая морщинка, которую я раньше не замечала. Под глазами тоже были следы недосыпа.

Но глаза почему-то блестели.

Я улыбнулась своему отражению.

И впервые за долгое время не стала мысленно перечислять, что во мне нужно исправить.

В этот момент телефон снова завибрировал.

Я подумала, что Андрей написал еще что-нибудь.

Но сообщение пришло от Дениса.

«Ирина Алексеевна, добрый вечер. Мы с Лерой поговорили. Я посмотрел договор с рестораном и предварительные расчеты. Все сложнее, чем казалось, но варианты есть».

Я медленно опустилась на диван.

Прочитала сообщение до конца.

«Мы решили пересматривать свадебные планы. Завтра будем считать, что можно убрать или поменять. Не знаю пока, сколько денег потеряем. Но делать вид, что вы сами не хотите приходить, мы не будем».

Я перечитала последние слова.

Потом еще раз.

Не потому, что не поняла.

Просто они показались мне удивительно важными.

Не обещание немедленно все исправить.

Не красивые слова.

Конкретное решение.

Молодые собирались разобраться в том, что сами выбрали.

И я впервые за эти дни почувствовала, что меня действительно услышали.

Я набрала ответ:

«Денис, спасибо, что написал. Я понимаю, что вам будет непросто. Надеюсь, вы с Лерой найдете решение, которое устроит вас обоих».

Подумала немного.

Добавила:

«И еще. Мне очень хочется быть на вашей свадьбе».

Отправила.

Денис ответил почти сразу:

«Я знаю. И тоже этого хочу».

Я положила телефон на колени.

Глаза защипало.

Но на этот раз плакать не хотелось.

За окном шумел город.

На столе стояли тюльпаны.

В сумке лежала помада, которую я сегодня впервые за долгое время обновляла не ради работы и не ради семейного праздника.

Я вспомнила Андрея.

Его улыбку.

Низкий голос.

То, как он смотрел на меня, когда я рассказывала о детской мечте стать актрисой.

И подумала, что хотела бы увидеть его снова.

Потом вспомнила Леру.

Ее слезы.

Наш вчерашний разговор.

Сообщение Дениса.

Свадьба по-прежнему оставалась под вопросом. Сергей наверняка еще не сказал последнего слова. Лера могла снова обидеться, начать спорить, просить меня вмешаться.

Я понимала, что впереди будет непросто.

Но теперь хотя бы не все зависело от того, насколько сильно я готова уступить.

Я встала, подошла к столу и поправила тюльпаны.

Один цветок раскрылся почти полностью.

Я осторожно коснулась лепестка.

Потом открыла холодильник, достала сыр и нарезала себе несколько кусочков.

Включила музыку.

Тихую, старую, которую любила еще в молодости.

И пока готовила ужин, неожиданно начала подпевать.

Я даже не сразу заметила это.

Просто стояла на собственной кухне, резала помидоры и пела.

Совершенно одна.

И впервые за долгое время одиночество не казалось мне наказанием.

Глава 3. Цена красивой свадьбы

В субботу утром я проснулась от звонка дочери.

Было без четверти девять.

Я посмотрела на экран, потом на часы и некоторое время пыталась сообразить, зачем поставила будильник в выходной.

Будильника не было.

Звонила Лера.

— Мам, ты спишь?

— Уже нет.

— Прости. Я думала, ты давно встала.

Обычно так и было.

Даже в выходные я редко позволяла себе спать дольше восьми. Сначала нужно было приготовить завтрак Сергею, потом разобрать накопившиеся за неделю дела, заехать в магазин. Когда Лера жила с нами, она обязательно вспоминала в субботу о какой-нибудь срочной покупке.

Теперь никто не мешал мне спать хоть до обеда.

Но организм, похоже, об этом еще не знал.

— Что случилось? — спросила я, садясь на кровати.

— Мы с Денисом хотели к тебе приехать. Можно?

Я сразу проснулась окончательно.

— Конечно. Во сколько?

— Часам к двенадцати. Ты дома будешь?

— Буду.

— Нам надо поговорить.

Я посмотрела на пустую половину кровати.

Раньше такие слова заставляли меня немедленно представлять самое страшное. Особенно когда Лера произносила их серьезным голосом.

— Хорошо, — ответила я. — Приезжайте.

— Мам...

— Что?

— Только, пожалуйста, без ссоры.

Я помолчала.

— Лера, я не собираюсь с тобой ссориться.

— В прошлый раз ты тоже не собиралась.

— В прошлый раз ты попросила меня не приходить на твою свадьбу.

Она тяжело вздохнула.

— Ладно. Приедем.

Связь оборвалась.

Я положила телефон на тумбочку.

И почти сразу почувствовала желание вскочить, броситься на кухню и начать готовить.

Денис любил мои сырники.

Лера предпочитала запеканку.

Можно было успеть и то и другое, если быстро сходить за творогом.

Я даже откинула одеяло.

Потом остановилась.

Зачем?

Дети приезжали поговорить. Не на праздничный обед.

В холодильнике были яйца, сыр, овощи. Чай тоже имелся.

И печенье.

Вполне достаточно.

Я снова легла и несколько минут смотрела в потолок.

Неожиданно захотелось рассмеяться.

Мне было сорок три года, а я только сейчас училась не превращать каждый визит взрослой дочери в прием дорогих гостей.

Правда, долго лежать не получилось.

Я встала, приняла душ, вымыла голову и приготовила себе завтрак.

Потом все-таки прибралась.

Не потому, что кто-то должен был прийти.

Просто на кухне действительно накопились чашки, а в прихожей стояла обувь, которую я собиралась убрать еще в прошлые выходные.

К одиннадцати квартира выглядела вполне прилично.

Я переоделась в домашние брюки и футболку, сменила воду у тюльпанов и села читать книгу.

Но мысли постоянно возвращались к предстоящему разговору.

Интересно, что они решили?

Денис вчера написал, что собирается пересматривать договоры.

Может быть, уже нашли другой ресторан.

Или Сергей согласился изменить условие.

Последнее казалось маловероятным.

Я слишком хорошо знала бывшего мужа.

Когда он объявлял свое решение окончательным, отступить мог только в том случае, если находил способ представить это собственной победой.

Я открыла телефон.

Сообщений от Сергея не было.

И слава богу.

Зато в переписке с Андреем осталось вчерашнее пожелание спокойной ночи.

Я перечитала его.

Улыбнулась.

Потом рассердилась на себя и убрала телефон.

Вчерашняя встреча была приятной.

Очень.

Но совершенно не обязательно вспоминать ее каждые полчаса.

Впрочем, если честно, мне хотелось.

Я вспомнила, как Андрей рассказывал про школьные рисунки сына.

Как улыбался.

Как смотрел на меня, когда я говорила о своей работе.

И то, что он не стал превращать наш разговор в обсуждение свадебного скандала.

Мы сидели в кафе почти два часа.

Я давно не проводила столько времени с мужчиной просто потому, что мне было интересно с ним разговаривать.

В последние годы с Сергеем даже совместные ужины стали деловыми совещаниями.

Он спрашивал, что купить, я отвечала. Я рассказывала о Лере, он интересовался, сколько это будет стоить. Иногда обсуждали новости, планы на отпуск, ремонт.

Не то чтобы мы совсем перестали смеяться.

Но постепенно разговоров становилось меньше.

А вчера мне не хотелось, чтобы вечер заканчивался.

Я положила книгу на колени.

И все-таки позволила себе немного улыбнуться.

***

Лера и Денис приехали без десяти двенадцать.

Я услышала их голоса за дверью еще до звонка.

— Я же сказал, надо сначала все обсудить, — негромко произнес Денис.

— Мы уже обсуждали.

— Не до конца.

Потом раздался звонок.

Я открыла.

На Лере были джинсы, светлая кофта и кроссовки. Волосы она собрала в небрежный хвост.

Выглядела уставшей.

Денис держал папку и большой бумажный пакет.

— Привет, мам.

— Привет, солнышко.

Я обняла дочь.

Она прижалась ко мне крепче обычного.

Потом отстранилась и быстро прошла в квартиру.

Денис неловко улыбнулся.

— Здравствуйте, Ирина Алексеевна.

— Здравствуй, Денис. Проходи.

Он поставил пакет и папку на тумбочку, снял обувь, а потом протянул мне пакет.

— Мы купили пирожные.

— Спасибо. Проходите на кухню.

Лера уже доставала чашки из шкафа.

Я заметила это с удивлением.

Обычно она садилась за стол и спрашивала, есть ли у меня что-нибудь вкусное.

Теперь сама открыла нужную дверцу.

— Мам, где у тебя сахар?

Я посмотрела на нее.

— Там же, где последние десять лет.

Она открыла соседний шкаф.

— А, точно.

Денис улыбнулся.

Напряжение немного ослабло.

Мы сели за стол.

Я разлила чай, поставила пирожные и принесла небольшую тарелку с печеньем.

Лера сразу потянулась к пирожному с клубникой.

Потом остановилась.

— Мам, ты какое хочешь?

Вопрос был настолько неожиданным, что я не сразу ответила.

— Мне любое.

— Нет, ты выбери.

Я посмотрела на коробку.

Там лежали три пирожных: клубничное, шоколадное и какое-то с орехами.

— Тогда клубничное.

Лера замерла.

— Ты же всегда брала с орехами.

Я улыбнулась.

— Потому что ты любишь клубнику.

Дочь медленно убрала руку.

— Бери.

— Лера, я не собираюсь отнимать у тебя десерт.

— Мам, ну пожалуйста.

Я посмотрела на нее.

Потом взяла клубничное пирожное.

Денис опустил глаза в чашку.

Лера принялась разворачивать салфетку.

Несколько секунд мы молчали.

Я вдруг почувствовала себя ужасно неловко.

Не хотела, чтобы теперь каждый кусок еды превращался в доказательство того, сколько всего я отдала дочери.

— Ну что, — сказала я, — рассказывайте.

Денис открыл папку.

— Мы вчера почти до ночи разбирали расходы.

Он достал несколько листов.

Таблицу я узнала сразу.

Сама помогала ее составлять.

Только теперь на ней появились новые столбцы и выделенные цветом строки.

— Вот здесь все, что уже оплачено, — сказал Денис. — А здесь то, за что еще нужно платить.

Я пробежала глазами по цифрам.

Ресторан.

Ведущий.

Фотограф.

Оформление.

Транспорт.

Музыка.

Проживание родственников.

Дополнительные услуги.

Суммы были немаленькие.

Я, конечно, знала, что свадьба получается дорогой.

Но когда все расходы оказались на одном листе, даже мне стало не по себе.

— Ничего себе, — вырвалось у меня.

Лера вздохнула.

— Вот.

— Девяносто человек?

— Восемьдесят восемь, — поправил Денис. — Двое еще не подтвердили.

— А изначально сколько хотели?

— Сорок, — ответила Лера.

— Сорок два, если считать детей, — уточнил Денис.

Я посмотрела на дочь.

Она отвела глаза.

— Папа сказал, что нельзя обижать родственников.

— Каких?

— Ну, со своей стороны он пригласил почти всех.

Денис повернул ко мне лист.

— Вот список.

Я начала читать.

Некоторые фамилии были знакомыми.

Некоторые нет.

— А кто такой Аркадий Павлович? — спросила я.

Лера заглянула в список.

— Папин знакомый.

— Какой?

— Не знаю. Он сказал, что они давно дружат.

Я вспомнила этого человека.

Пару раз видела его на корпоративных мероприятиях Сергея.

Кажется, он занимался поставками оборудования.

— Он даже не родственник, — сказала я.

— Мам, мы это уже поняли.

Я подняла глаза.

Лера сидела с таким выражением, будто ожидала очередного замечания.

Я положила лист.

— Хорошо. Что вы решили?

Денис немного выпрямился.

— Мы составили новый список. Только близкие родственники и друзья, с которыми действительно общаемся.

Он достал второй лист.

На нем было сорок четыре человека.

Я нашла свое имя.

Ирина Соколова.

В первой половине списка.

Рядом стояла фамилия Дениса.

Следом — Андрей Викторович и Наталья, бывшая жена Андрея.

Я несколько секунд смотрела на эти строки.

Потом аккуратно положила лист на стол.

— Это новый список? — спросила я.

— Пока рабочий, — ответил Денис. — Мы еще никому не звонили.

Лера быстро добавила:

— И папа о нем не знает.

Я кивнула.

— Понятно.

Денис указал на следующую страницу.

— Если сократить количество гостей, отказаться от дорогого оформления и выбрать ресторан попроще, расходы будут значительно меньше.

— Но все равно больше, чем мы рассчитывали, — сказала Лера.

— Да.

Он посмотрел на меня.

— У нас есть накопления. Но мы собирали их не только на свадьбу. Хотели после торжества съездить отдохнуть и кое-что купить в квартиру.

— Понимаю.

— Теперь, скорее всего, поездку придется отложить.

Лера сжала губы.

— Я так ждала море.

Мне захотелось сказать, что ничего страшного.

Что они молодые, успеют еще съездить.

Что можно выбрать недорогой курорт.

Или вообще отправиться через несколько месяцев.

Но я посмотрела на ее лицо и промолчала.

Дочь имела право расстраиваться.

Даже если сама согласилась на слишком дорогую свадьбу.

— С рестораном уже разговаривали? — спросила я.

— Пока только звонили, — ответил Денис. — Менеджер сказал, что нужно смотреть условия договора. Предоплату внес Сергей Владимирович.

Я взяла первый лист.

— Здесь восемьдесят тысяч?

— Да.

— А за оформление?

— Пятнадцать. Уже закупили часть материалов.

— Возврат обсуждали?

— Пока нет, — признался Денис. — Они обещали прислать расчет.

Я кивнула.

И тут же поймала себя на мысли, что надо бы позвонить менеджеру лично.

Я хорошо умела вести такие разговоры.

Спросила бы, какие расходы уже фактически понесены, что можно перенести на другой заказ, можно ли использовать часть оплаты при уменьшении количества гостей.

Потом связалась бы с оформителями.

Уточнила бы договор.

Нашла бы несколько ресторанов на сорок человек.

В голове уже складывался план.

Я даже потянулась за ручкой.

И остановилась.

Денис заметил.

— Ирина Алексеевна, если вам неудобно...

— Нет, просто думаю.

Я убрала руку.

— Вы сами хотите этим заняться?

Он удивленно посмотрел на меня.

— Конечно. Мы же для этого и приехали.

— Тогда хорошо.

Лера насторожилась.

— Мам, ты вообще не будешь нам помогать?

Я перевела взгляд на дочь.

— А что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Ну... Ты лучше разбираешься в цифрах.

— В своих рабочих цифрах. А в ваших свадебных договорах вы с Денисом можете разобраться вместе.

Она поджала губы.

— Ты же видишь, сколько всего навалилось.

— Вижу.

— И тебе совсем не хочется нам помочь?

Я почувствовала, как начинает болеть голова.

Разговор снова опасно приближался к знакомому месту.

С одной стороны, мне действительно хотелось помочь.

С другой — я прекрасно понимала, что стоит сейчас взять ручку, и через час у меня окажется список звонков на ближайшие три дня.

А вопрос с моим присутствием на свадьбе по-прежнему не был решен.

— Лера, — сказала я, — я могу посмотреть ваши расчеты и сказать, если замечу ошибку. Но обзванивать подрядчиков, договариваться с рестораном и переделывать всю подготовку за вас не буду.

Дочь вздохнула.

— Я поняла.

Мне не понравился ее тон.

— Не надо так.

— Как?

— Будто я отказываюсь помочь тебе в беде.

— А разве нет?

Денис отложил листы.

— Лер.

— Что?

— Мы же сами договорились, что будем решать.

— Я просто спросила!

— Ты спросила так, будто Ирина Алексеевна обязана все исправить.

Лера резко повернулась к нему.

— Ты теперь тоже будешь меня воспитывать?

— Нет. Я хочу, чтобы мы нормально поговорили.

Она отвернулась.

Я почувствовала себя лишней на собственной кухне.

Мне совсем не хотелось, чтобы они ссорились при мне.

Но вмешиваться в их отношения я тоже не собиралась.

Денис первым нарушил молчание.

— Я вчера разговаривал с папой, — сказал он.

Я подняла голову.

— С Андреем?

— Да. Он сказал, что обещал оплатить фотографа и обещание остается в силе. Но все остальное мы должны решать сами.

Я невольно улыбнулась.

— Разумно.

Лера нахмурилась.

— Тебе все кажется разумным, когда речь не о твоих деньгах.

Я посмотрела на нее.

— Лера, мои деньги тоже участвовали в подготовке свадьбы.

Она сразу покраснела.

— Я не это имела в виду.

— Я знаю.

И действительно знала.

Дочь сейчас защищалась.

От Дениса.

От меня.

От неприятного понимания, что красивая свадьба, на которую она уже успела настроиться, может не состояться в прежнем виде.

Но от этого ее слова не становились менее обидными.

Денис открыл папку.

— Я хочу еще кое-что сказать.

Лера посмотрела на него.

Он некоторое время подбирал слова.

— Когда Сергей Владимирович предложил оплатить ресторан, мне это тоже понравилось. Я подумал, что мы сможем устроить праздник получше и свои деньги сохранить. Не спрашивал, зачем ему столько гостей. Не интересовался, почему он настоял именно на этом месте. Мне было удобно.

Я удивленно посмотрела на будущего зятя.

Он говорил спокойно, без попытки представить себя лучше Леры.

— А потом выяснилось, что за эти деньги нужно выполнять условия, о которых нас никто заранее не предупреждал.

Денис потер ладонью шею.

— И я не хочу начинать семейную жизнь с такого.

Лера уставилась в чашку.

— Ты говоришь, будто я хотела продать маму за ресторан.

— Я так не говорю.

— Но думаешь!

— Лера, я думаю, что мы оба согласились на чужие деньги и перестали замечать, как за нас начали решать.

Мне захотелось обнять этого мальчика.

Хотя мальчиком он, конечно, давно не был.

Двадцать четыре года.

Работа.

Свои планы.

И вот сидел на моей кухне, пытался объяснить будущей жене неприятную вещь, не унизив ее.

Я вдруг вспомнила, как Сергей в первые годы брака тоже мог разговаривать со мной спокойно.

Мы вместе выбирали мебель, считали расходы, спорили из-за покупки машины.

Тогда он еще спрашивал мое мнение.

Может быть, все действительно менялось постепенно.

Не за один день.

Именно поэтому Денису и Лере сейчас было важно научиться разговаривать.

— Я не хочу скромную свадьбу, — вдруг сказала дочь.

Голос у нее дрогнул.

— Я всю жизнь мечтала о красивом празднике. Не о том, чтобы просто расписаться и пойти домой.

Денис повернулся к ней.

— Я тоже хочу праздник.

— Но ты предлагаешь все отменить!

— Я предлагаю выбрать то, что мы можем оплатить.

— Это будет совсем не то.

— Наверное.

Лера закрыла лицо руками.

Я смотрела на них и думала, что не существует правильных слов, после которых все немедленно станет легче.

Конечно, я могла сказать, что главное — любовь.

Что ресторан не имеет значения.

Что через двадцать лет они вообще забудут, какие были салфетки.

Но это было бы неправдой.

Я до сих пор помнила собственную свадьбу.

Недорогой ресторан, который тогда казался мне невероятно красивым. Простое белое платье. Сергея в темном костюме. Его руки, когда он снимал с меня фату.

Мы были счастливы.

По крайней мере, в тот день.

И я не собиралась убеждать дочь, что ее желание красивого праздника глупое.

— Лера, — сказала я, — я понимаю, что тебе очень обидно.

Она подняла мокрые глаза.

— Правда?

— Правда. Ты уже представила себе этот день. Выбрала платье, музыку, ресторан. Теперь все приходится менять.

Она кивнула.

— Я не хочу, чтобы вы отказались от свадьбы, — продолжила я. — Но мне тоже хочется быть на ней. И я не понимаю, почему одно должно исключать другое.

Лера опустила голову.

Денис осторожно взял ее за руку.

— Мы найдем другое место, — сказал он. — Не обязательно хуже. Просто меньше.

Она молчала.

— Я завтра съезжу посмотреть два ресторана, — добавил он. — Можешь со мной.

— Мне завтра к мастеру по волосам.

— Тогда перенесем осмотр на вечер.

Я наблюдала за ними.

Раньше непременно вмешалась бы.

Предложила съездить вместо Леры.

Выбрала бы ресторан по фотографиям, обзвонила бы менеджеров и прислала дочери готовые варианты.

Теперь сидела и пила чай.

Это оказалось труднее, чем я ожидала.

***

После их ухода квартира вдруг показалась очень тихой.

Лера уезжала расстроенной.

Не настолько, как во вторник, но и улыбки на прощание у нее не было.

Мы обнялись в прихожей.

Она спросила, не сержусь ли я.

Я ответила, что мне нужно время.

Денис поблагодарил за чай и забрал папку.

А когда я закрыла дверь, обнаружила, что на столе остался один нетронутый десерт.

Шоколадный.

Я поставила его в холодильник.

Потом вымыла чашки.

Убрала тарелки.

Вытерла стол.

В комнате зазвонил телефон.

Я даже не удивилась, увидев имя Сергея.

Наверное, Денис и Лера уже успели с ним поговорить.

Я ответила не сразу.

Дала телефону прозвонить несколько раз.

Потом нажала на зеленую кнопку.

— Слушаю.

— Ира, ты вообще понимаешь, что сейчас происходит?

Я закрыла глаза.

— Здравствуй, Сергей.

— Лера звонила. Сказала, что они собираются менять ресторан.

— Я знаю.

— И тебя это устраивает?

— Меня устраивает, если они сами решат, какую свадьбу хотят.

Он коротко рассмеялся.

— Очень удобная позиция.

— Какая?

— Сначала настроить дочь против меня, а потом делать вид, что ты ни при чем.

Я медленно выдохнула.

— Сергей, я никого против тебя не настраивала.

— Конечно. Ты просто отказалась нормально поговорить, устроила Лере истерику, теперь они вынуждены отказываться от хорошего праздника.

— Я не устраивала истерику.

— А что было?

— Я сказала, что не согласна оставаться дома в день свадьбы собственной дочери.

— Вот именно! Все только вокруг тебя!

Мне захотелось бросить телефон.

Но я села на диван и заставила себя говорить спокойно.

— Сергей, я не требовала менять ресторан. Не просила молодых отказываться от твоих денег. Ты сам сказал, что не будешь платить, если я приду.

— Потому что не хочу скандала!

— Я не собиралась устраивать скандал.

— Ты сама обещала рассказать родственникам про Веронику!

Я посмотрела на свои руки.

— Нет. Я сказала, что не стану лгать, если меня прямо спросят, почему мы развелись.

— Да кому нужна твоя правда?

— Тебе, похоже, очень важно, чтобы ее никто не услышал.

Он замолчал.

На несколько секунд стало тихо.

Потом Сергей произнес:

— Ты просто не можешь простить мне развод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.